

bric-a-brac

№6

декабрь 2010

точки и линии
концепты
дома забытого города
кругозор
названия пока нет
слова

Алексей Дулов – креативный директор
Владимир Новиков – арт-директор
Наталья Грезина – ответственный секретарь
Сергей Трафедлюк – литературный редактор
Наталья Давыдова – выпускающий редактор
Юлия Никифорова – редактор фотоотдела

<http://bricabrac-ezine.com>

ЖРЦ
300Р

Sztuka Fabryka
Bone Comics
Milk and Vodka
Brett Manning
Людистен
Наталья Зозина

Хорошая всё-таки штука – всемирная паутина. А есть ещё лучше штука – Sztuka Fabryka. Bric-a-brac не искал творческое объединение Sztuka Fabryka – они нашлись сами. Возникнув в 1986 году как организатор и куратор нескольких арт-проектов, это объединение также занималось экспериментами в области социальных коммуникаций, собрав внушительный архив из работ полутора тысяч авторов. А с 2009 года группа Sztuka Fabryka покинула Бельгию и обосновалась в Испании, посвятив всё время воплощению собственных задумок и идей.

А вот творческий профиль Sztuka Fabryka, оригинал которого можно найти на сайте объединения: www.sztuka-fabryka.be

Deconstruct to construct

Larpeke

> манифест .

> Почему мы занимаемся искусством . ? .

> Каждый из членов нашего объединения занимается искусством с раннего детства . У всех нас есть постоянная потребность творить . Это напрямую связано с нашей личной жизнью . Ежедневно мы учимся чему-то новому, приобретаем новый опыт и сталкиваемся с новыми впечатлениями . Творчество — это крайне индивидуальное выражение наших самых личных чувств и ощущений ..

> Вдохновение . ? .

> У каждого из нас свой источник вдохновения . С одной стороны — преромантическая архитектура, барочное искусство, неоготика . С другой — индустриальное искусство, промышленная графика и дизайн, концептуализм ..

Urban shrine

> Вдохновение > Стиль . ? .

> Все эти разноплановые увлечения и вкусы отражаются в наших работах . Мы пытались, но абсолютно безуспешно, ограничить круг интересов, влияний и источников вдохновения . Больше мы этого не делаем . Как и большинство художников, мы не можем оставаться в рамках одного стиля, одной темы или техники . Напротив . Нам нравится менять стили и пробовать непривычные техники ..

> Стиль > Философия . ? .

> В наших работах перемешано множество стилей, техник и подходов: исследование своего творческого потенциала — главная составляющая нашего искусства . Каждая работа — это попытка определить его пределы, фиксация наших идей и событий повседневной жизни ..

> парадигмы .

> Повторяющиеся мотивы и темы образуют парадигмы, своеобразные «опорные точки», теорию нашего творчества ..

> Парадигма [1010-01] > Деконструировать, чтобы создать...

> Наша первая и самая главная парадигма — «Возвращение к основам» . А кроме того, деконструкция идей и создание философии Sztuka Fabryka . Мы постоянно создаём новые идеи и концепции, касающиеся не только сферы изобразительного искусства, но и архитектуры, городского ландшафта, общества, политики, других творческих направлений и т. д. ...

> Парадигма [1010-02] > Отказ от измов ..

> Как мы уже писали, процесс творческого исследования никогда не ограничивается одним художественным подходом . Однако в каждом уголке мира, куда могут попасть наши работы, в них могут найти следы самых различных стилей и направлений . Отказ от измов означает, что творческое исследование куда важнее чёткой самоидентификации с определённым течением . Свобода безграничного самовыражения ..

> Парадигма [1010-03] > Сделать самому . Переработать . Добавить ..

> «Возвращение к основам» — это своеобразный путь творческого исследования, в ходе которого вопросы о том, как создавать, как переделывать и как распространять произведения искусства и идеи, получают последовательные ответы. . Сделать самому — Переработать — Добавить ..

> Парадигма [1010-04] > Будущее – в прошлом ..

> Один из главных источников нашего вдохновения – прошлое . Sztuka Fabryka уверена, что будущее не связано с инновациями и прогрессом, для нас под сомнением даже стремление к поиску нового и нестандартного, и не только в современном искусстве. В прошлом скрыто множество прекрасных вещей – взять хотя бы средневековое искусство и неоготическую архитектуру, которые вдохновляют нас на новые идеи и проекты. Мы верим, что будущее нужно искать в прошлом. Переработать – Деконструировать – Добавить – Создать ..

Diy urban shrine

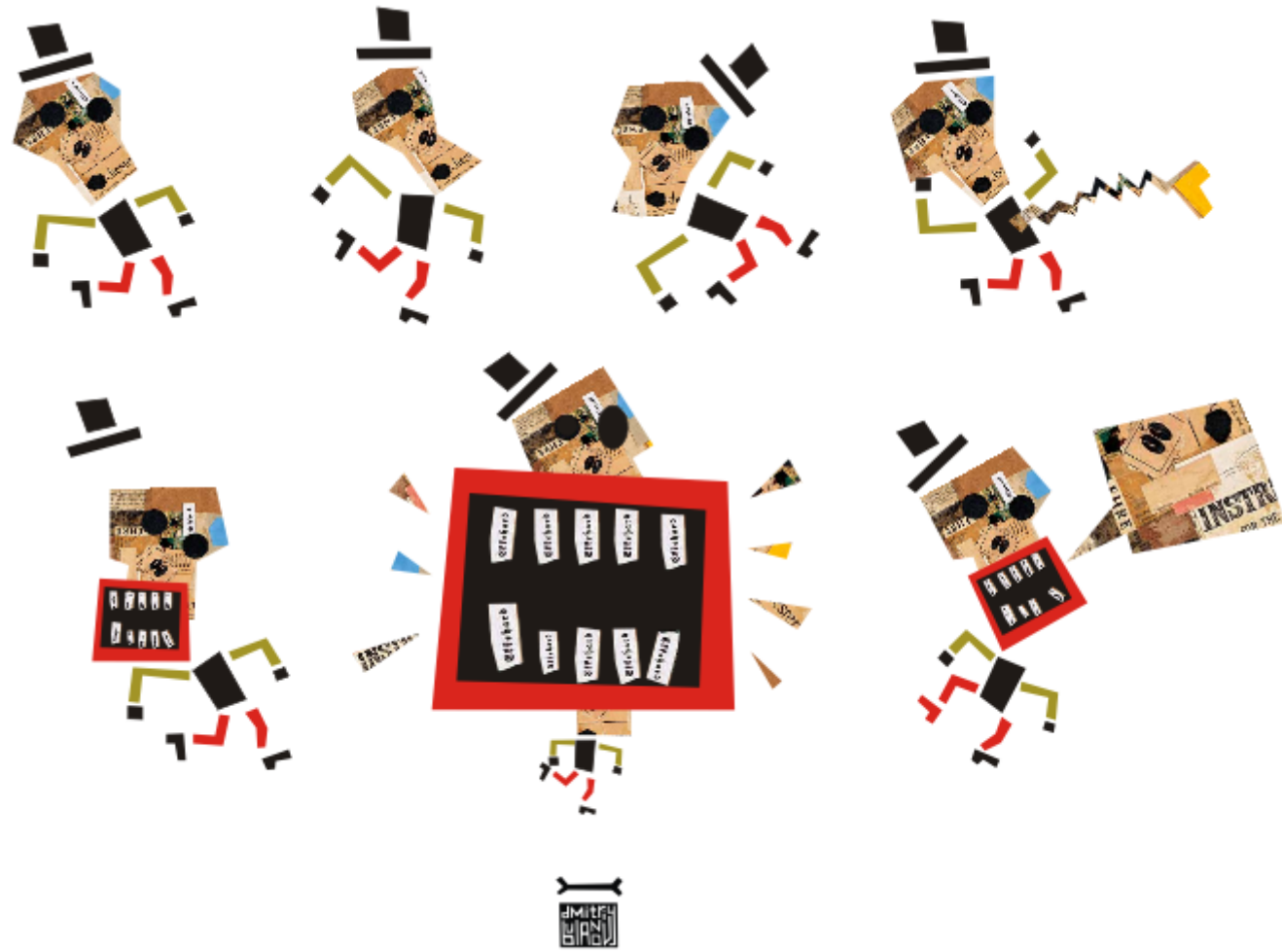
> Парадигма [1010-05] > Arte Semeiotico ..

> Мы постоянно стремимся к полной свободе . Наша цель – творческое исследование . Конечный результат может быть академическим, концептуальным, эмоциональным или метафизическим . Наша последняя парадигма – полная свобода в выборе пути, позволяющая нам самим решать, должно ли наше искусство нести некую идею или как-то влиять на реальность ..

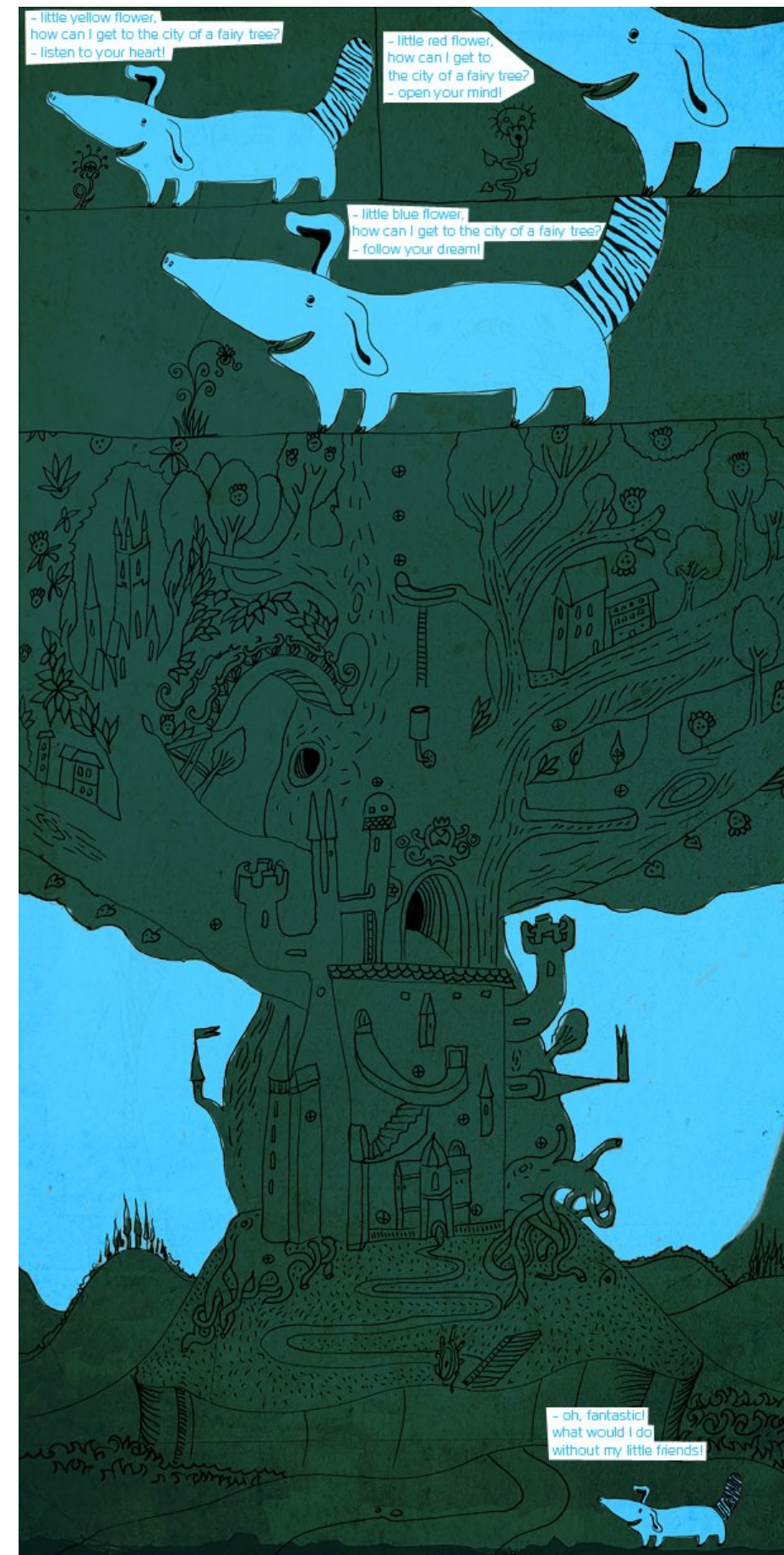

Bone Comics

<http://bone-comics.livejournal.com/>

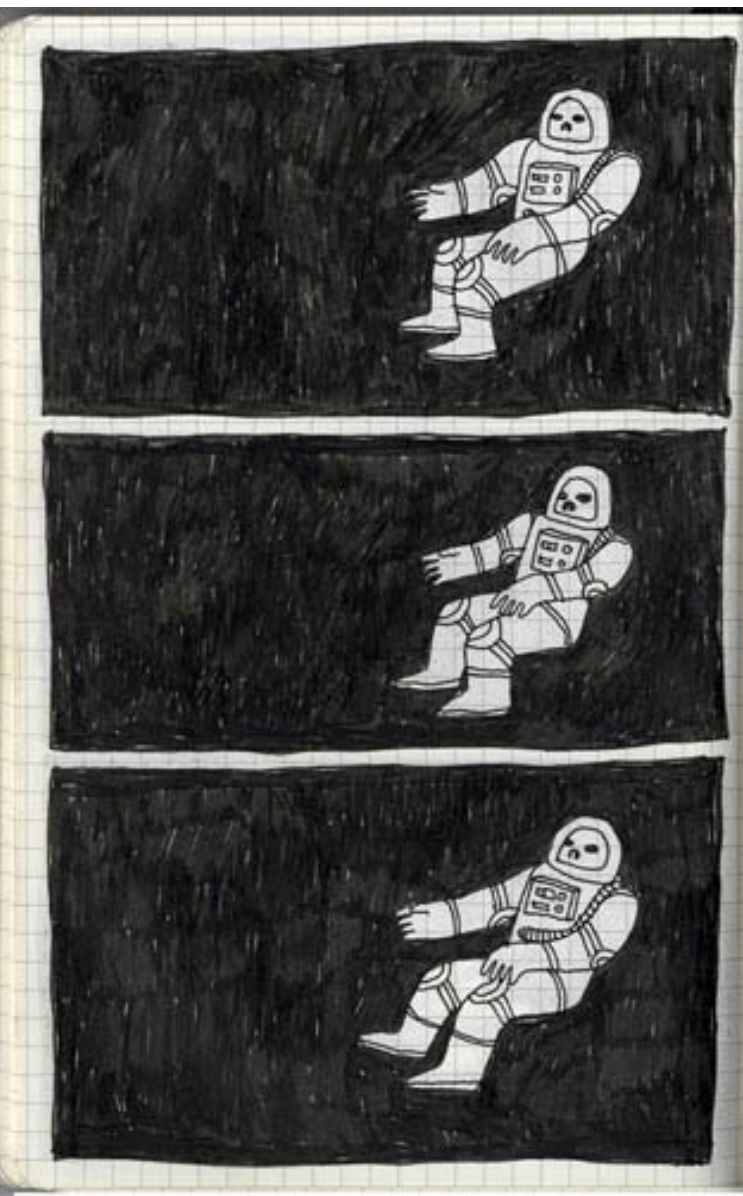
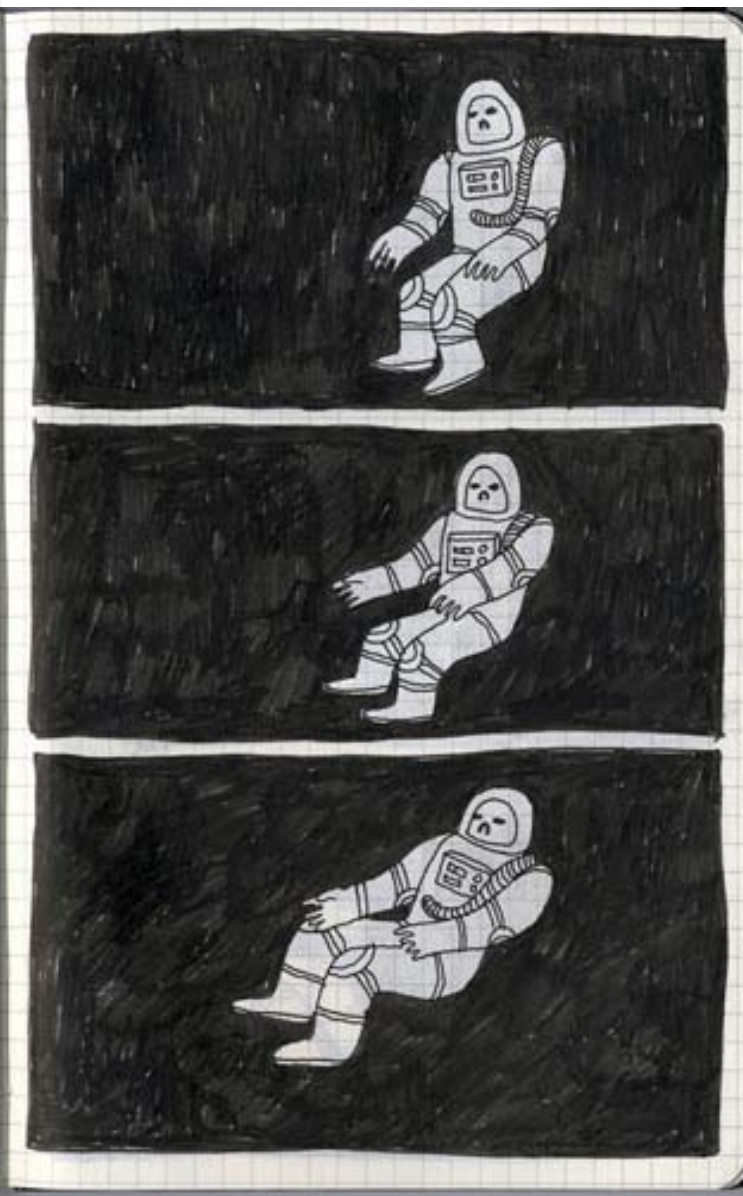
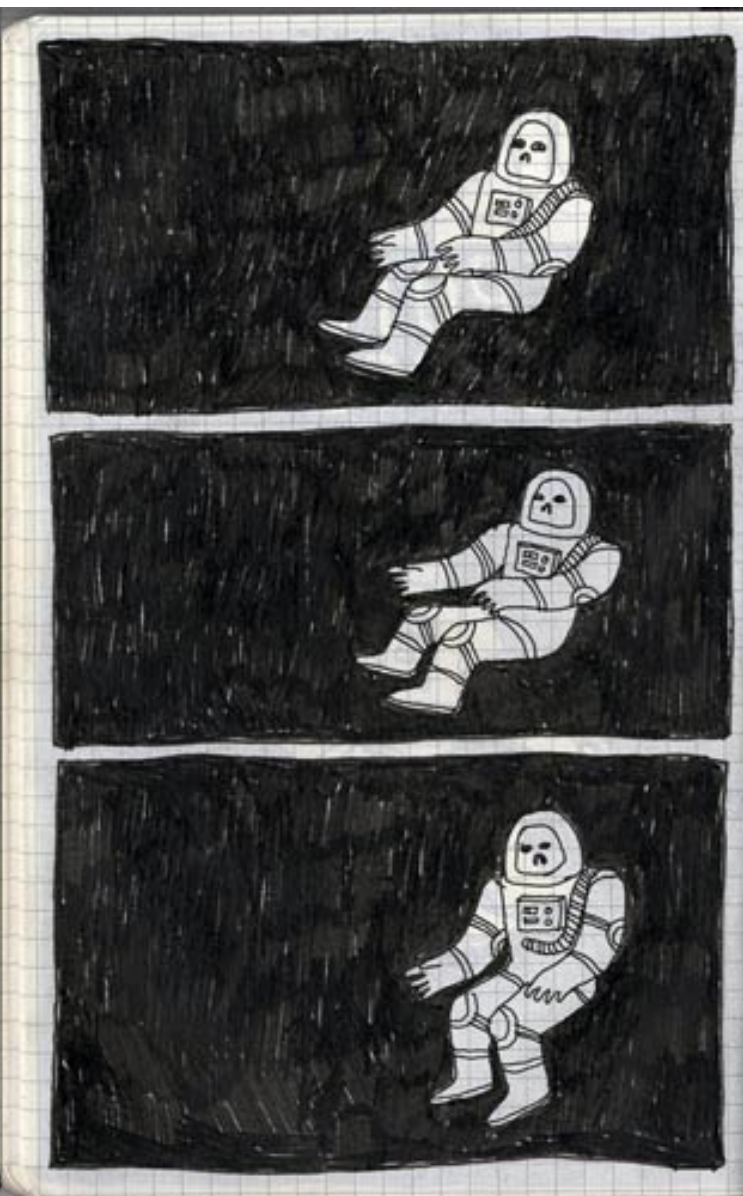
Bulanov Dmitriy
I put A Spell On You - Screamin' Jay Hawkins

Constantine
Schneider
Tree

Zakalyakas
Зайчик / Bunny

Jack Teagle
Dead Astronaut

Milk and Vodka

Стас Багс

Санкт-Петербург
Кинетическое искусство
<http://www.milkandvodka.ru/>

Без названия – 1, 2008

Со Стасом Багсом и его проектом Milk and Vodka мы познакомились на проекте «Баллаковская Одиссея», где он представлял инсталляцию «Северсталь». Кинетические объекты, которые Стас проектирует и изготавливает, перемещаются, вибрируют, колеблются, сжимаются, пульсируют и дышат. Портрет Стаса Багса на фоне живых механических натюрмортов – специально для bris-à-bras.

0. Родился в Ленинграде в 1984 году.

1. Началось все с увлечения граффити в 1997 году. Однако в какой-то момент чистое граффити перестало приносить мне удовольствие: все, что я хотел в нем сделать, я сделал. В Европе тогда активно развивался стрит-арт, и именно он стал толчком для занятия современным искусством. Когда я создавал Milk and Vodka, я хотел, чтобы это была группа людей, и каждый в этой группе занимался бы своим видом деятельности, но под одним брендом. В итоге группы не получилось, и теперь это просто проект.

2. Инсталляции, а именно кинетические объекты, представляют для меня сейчас наибольший интерес, потому что это достаточно сложно. Я многое видел в граффити, живописи, но сейчас мало что может меня впечатлить. Мне нравится объемность и движение, чтобы объект жил сам по себе в пространстве.

Северсталь, 2010

3. Мои объекты не несут в себе какое-то прямое сообщение. В них нет конкретных посланий, они, скорее, просто вызывают эмоции (чаще на уровне приятно/неприятно), и я не хочу и не считаю нужным это исправлять. Я не стремлюсь кому-то что-то доказать, рассказать, пояснить, это просто мое восприятие вещей. Я не социальный художник, поэтому для меня отдача от творчества – это реализация задуманного.

4. Есть проекты, которые реализуются очень легко, а есть, напротив, очень сложные технически вещи, которые создают различные проблемы, и часто случается так, что в итоге они не приносят никакого удовольствия.

5. Я принципиально не работаю на зрителя. Механика и предметы – это то, что увлекает меня лично, мне нравится, как это работает и выглядит. Есть тонкая грань между тем, чем занимаются многие современные художники и собственно искусством. Искусство самодостаточно, существует само по себе и именно поэтому способно жить вне времени и границ. А многие художники просто создают шоу, чаще рассчитанное на маленькую группу людей, которая, по их плану, должна их понять, увидеть якобы заложенный ими тайный смысл. Как следствие, их искусство весьма ограничено.

6. Проблема современного искусства в том, что его ценность стремится к нулю. Оно никому не нужно. Скорее, присутствует некая мода в узких кругах на современное искусство.

Brett Manning

Chicago

Graphics

Брэтт Мэннинг — к удивлению почитателей довольно известного американского певца — девушка. Хотя и живёт она тоже в США (Чикаго, Иллинойс), однако склонностью к пению не отличается. Она любит кофе, шоколад, котов и записи 60-х. Но главное место в её жизни занимает творчество. «Сколько я себя помню, я рисовала всегда, — рассказала Брэтт bric-à-brac. — Поэтому я и пошла учиться в колледж на дизайнера одежды». На наш вопрос о том, как к ней приходит вдохновение и что она думает о современном искусстве, Брэтт ответила: «Внезапно я ощущаю что-то хорошее, в голове возникает идея, и я записываю её. Некоторые мысли вызывают у меня улыбку, но не задерживаются надолго. А вот от других я просто не могу отделаться. Их-то — я точно знаю — мне и нужно перенести на бумагу... Искусство сегодня всюду! Но людям стоит посмотреть на него свежим взглядом, потому что нас со всех сторон атакует «плохое» искусство (ха-ха!), имею в виду рекламу и тому подобные вещи. Впрочем, даже это — признак времени. Искусство — это культура в чистом виде, оно играет невероятно важную роль, поскольку показывает нас такими, какие мы есть. И мне это очень по душе». Предлагаем продолжить знакомство с Брэтт и её чернильными зарисовками.

«Я люблю рисовать и рисую то, что люблю. Моё творчество отражает мой внутренний мир и вещи, наиболее важные и близкие для меня. Чаще всего в своих рисунках я люблю размышлять над противопоставлением рукотворного и естественного, а также над взаимосвязью всех живых существ на земле. Добавьте сюда мою любовь к текстуре, гармоничности, узорам, моде и женственности, и перед вами мои работы – довольно сюрреалистичные и похожие на сны. Чарующие переплетения форм и фантастические, порой исполненные символов и аллюзий образы «населяют» большинство моих картин.

И всё же главное в них — не выдуманная мной история. Куда интереснее, когда зритель находит в моих работах что-то своё. И в этом нет желания создать вещь, которая нравилась бы всем. Рисуя портрет, я стараюсь уловить скрытую суть изображаемого человека, то, что мне кажется самой чистой, безыскусной, даже грубой его формой — грубой и всё же красивой. Творчество для меня — процесс духовный, медитативный: когда я рисую, я ощущаю покой и единение с окружающим миром, особенно с моими картинами: они как будто становятся частью меня, отображая мой внутренний мир в определённый момент времени, — такая вот своеобразная, странная биография.

Я всегда стараюсь говорить только правду — ни в одной из моих работ нет ни следа фальши. Полагаясь лишь на себя и свою интуицию, я создаю картины, которые царапают ваши чувства, заставляют размышлять и, в конце концов, помогают отыскать частицу себя, о существовании которой вы даже не догадывались. Иногда она скрыта глубоко в вашем сознании — абсолютно примитивная, работающая на уровне интуиции, — но при этом универсальная, действующая по законам любви и ритма.

Это довольно просто... Но ужасно сложно... И совершенно абсурдно».

Людистен

Новосибирск

http://vkontakte.ru/album-21060967_120388585

Расписав две стены в центре Новосибирска, арт-группа «Людистен», состоящая из шести друзей — выпускников Новосибирской архитектурно-художественной академии, с ходу выиграла грант инновационного форума «Интерра — 2010» и тут же приступила к воплощению своего проекта. Стараниями художников шесть трансформаторных будок в арт-объекты.

«Наши росписи — это альтернатива граффити, которые зачастую не решают архитектурные задачи. При всём уважении к классическому стрит-арту, нас не устраивает половинчатое решение проблемы. Граффитисты часто не думают о композиции, поэтому их работы не образуют единства со стенами и не преобразовывают архитектуру, а наоборот — разрушают её цельность. Своими работами мы хотели дать понять, что к общественной деятельности можно подходить более продуманно, тогда и результат будет гораздо выше!»

За год своего существования творческое сообщество «Людистен» выполнило 11 росписей, 5 из них финансировали городские власти, 2 были сделаны в рамках благотворительных акций.

«Нам важно не просто сделать город прекраснее, но и заставить задуматься о проблемах развития искусства в нашем городе, привлечь власти к сотрудничеству с художниками, сделать это сотрудничество максимально эффективным, показать, что на создание качественного продукта, поднимающего уровень жизни и культурный уровень столицы Сибири, не нужно огромных материальных и временных затрат».

«Выходя на городские стены, художник делает шаг навстречу городу со всеми его проблемами и переживаниями и должен быть готов к решению этих проблем. Он не просто ломает культурный барьер, но и развивает общество, создаёт для него богатство культурной жизни».

Про свободные деревья и связанных людей

Специально для bric-à-brac о последнем проекте группы «Людистен» рассказывает Янина Болдырева.

Идея росписи: Янина Болдырева при участии Светланы Секачёвой
Работали: Янина Болдырева, Екатерина Никулина, Светлана Секачёва

«Действующие лица — деревья и люди — находятся в одной плоскости на фоне хаотично разбросанных линий. Они составляют среду, в которой разворачивается история человека. Из скомканного и связанного по рукам и ногам он превращается в свободного и нашедшего гармонию с окружающим миром, который олицетворяют деревья. Несмотря на хаос, они растут независимо и спокойно. Для нас было важно не только добиться выразительности простыми, минимальными средствами, но и рассказать историю. Также надо было увязать новую роспись с уже существующей, исполненной по эскизу Светланы Секачёвой («Лестница в небо») и придумать визуальный язык для агрессивной хаотичной среды, увязывая спонтанность и направленность линий. Цвета в росписи символичны, вернее, выбраны по принципу ассоциаций: синие люди — холодные и скованные; красные деревья — жизнеутверждающие, энергичные; серо-синяя окружающая среда, колючая и равнодушная».

Наталья Зозина

Севастополь

Специально для bric-à-brac кукольный мастер Наталья Зозина размышляет о сходстве куклы и человека

«Человек, как известно или как принято считать, создан по образу и подобию. Не буду уточнять, кем или чем, ключевое слово – создан. Так же, как и кукла создаётся по образу и подобию автора. Это особенно видно по первым работам: автор, ещё не овладевший секретами кукольного и художественного мастерства, способен донести до зрителя только свой образ, тот, что он видит в зеркале изо дня в день. Одни мастера проносят портретное сходство через всё творчество, другие находят собственный стиль и выражают его через душевную, духовную, психологическую призму. В любом случае, точкой отсчёта является автор, создающий новую реальность и вкладывающий эту реальность в куклу. И чем более глубоким, проникновенным и убедительным становится этот образ, тем более запоминающейся получается кукла. Призываю внимательнее относиться к знакомству, а точнее, к общению с куклой! И одна из них точно окажется вашей!»

Дарвиш

Восточное настроение

Еля

Сфинкс Эф

Эмма

brici!-a-brac

№6

декабрь 2010

Точки и линии
концепты
дома забытого города
кругозор
названия пока нет
слова

Алексей Дулов – креативный директор
Владимир Новиков – арт-директор
Наталья Грезина – ответственный секретарь
Сергей Трафедлюк – литературный редактор
Наталья Давыдова – выпускающий редактор
Юлия Никифорова – редактор фотоотдела

<http://bricabrac-ezine.com>

ТОЧКИ ИЛИ

- Ольга Бабак
- Елена Вильчукова
- Тамилла Гамзаева
- Наталья Грезина
- Недогле

Ольга Бабак
Харьков
<http://artnow.ru/ru/gallery/0/8516.html>

Сто лет увлечения одиночеством

1/10 «Приготовление леденцовых зверушек» 56х90 цветной картон линогравюра 2010 г.
2/10 «Увлечение воспоминаниями» 90х60 цветной картон линогравюра 2010 г.

Серия линогравюр посвящена моему любимому писателю Габриэлю Гарсия Маркесу и его удивительному роману «Сто лет одиночества». Здесь выбраны увлечения героев романа, за которыми они, пытаясь скрыть свое одиночество, становились все более одинокими. То же самое происходит и в наше время. Постоянно спешащие, чем-то занятые люди теряют самих себя и становятся одинокими, как и герои романа. Серия работ призывает задуматься, что для вас по-настоящему важно, и стать тем, кого вы очень хорошо знаете — самим собой!

3/10 «Ожидание цыганского табора» 53х90 цветной картон линогравюра 2010 г.

4/10 «Пустая трата жизни под одиноким каштаном» 60х90 цветной картон линогравюра 2010 г.

5/10 «Лакомства из грязи» 90х60 цветной картон линогравюра 2010 г.
6/10 «Обжорство» 60х90 цветной картон линогравюра 2010 г.

7/10 «Шитье савана» 60х90 цветной картон линогравюра 2010 г.
8/10 «Изготовление золотых рыбок» 90х60 цветной картон линогравюра 2010 г.

9/10 «Любовные утечи» 57,5х90 цветной картон линогравюра 2010 г.
10/10 «Пустота войны» 90х60 цветной картон линогравюра 2010 г.

Елена Вильчукова

Севастополь
<http://vi-art.net>

Песня о Марусе

«Песня о море», 2010
холст/масло, 148x88

«Черноморский герой», 2010
холст/масло, 90x70

«Матрос мечтает», 2010
холст/масло, 90x70

«Матрос улыбается», 2010
холст/масло, 100x60

«Сообразительный», 2010
холст/масло, 60x90

«Мой герой», 2010
холст/масло, 100x80

«Марш-1», 2010
холст/масло, 90x70

«Марш-2», 2010
холст/масло, 90x70

«Служим, работаем, отдыхаем», 2010
холст/масло, 140x88

Израиль

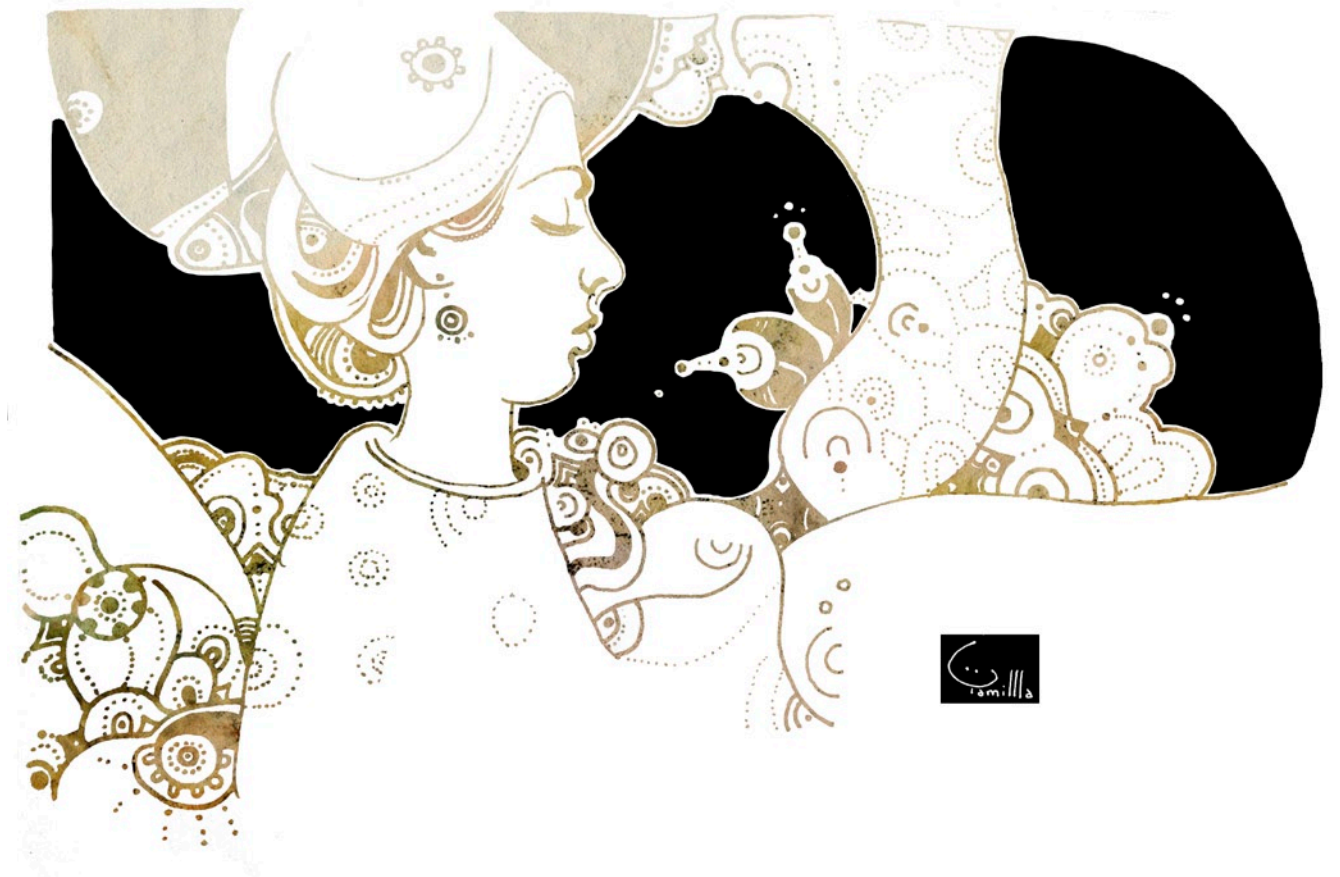
Тамилла Гамзаева рассказывает о своём путешествии в Израиль самым привычным для неё способом, в некоторых случаях прибегая к помощи русского языка.

«Шалом». Первый набросок в моём скетч-буке в Израиле. Первый иудей, который сказал нам «Шалом!»

Тамилла
Гамзаева

Харьков
<http://ykontakte.ru/id8625043>

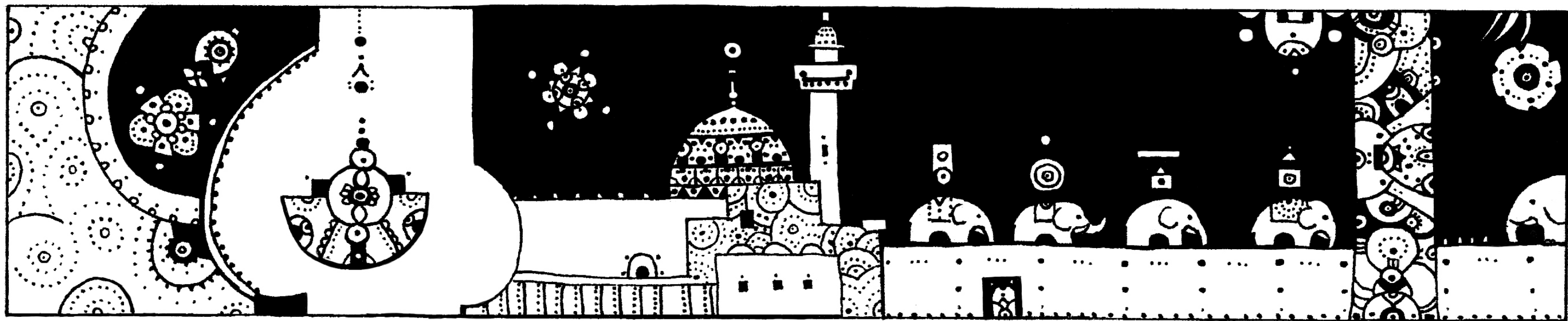
«Чебурашка». Девочка-эльф, по совместительству еще и чудесный фотограф. Мы с ней учились вместе фотографии. А Чебурашка она из-за своей татуировки.

«Хаим. Жизнь». Мой прапрапрадед... или прапра... Одним словом, он был последним религиозным евреем в нашей семье. Звали его Хаим. На иврите это значит «жизнь». Мне рассказывали, что дед говаривал так: «Если дворник и инженер будут получать одинаково, то кто же захочет становиться дворником?»

«Террорист и прокуратор». У одного из персонажей, которого я встретила в Израиле, был ник Прокуратор. Он работает прокурором у террористов и много и увлекательно рассказывал о них. Например, с одним террористом они пили чай и мило беседовали. Наверное, всё было совсем не так, как на картинке... Но какая разница!

«Слоники на крыше Иерусалима». Ночью Иерусалим прекрасен. И дневной Иерусалим прекрасен. А крыши Иерусалима просто волшебны.

«Пчёл». Однажды ночью мы отправились из Тель-Авива в Иерусалим, в заброшенную арабскую деревню под названием Лифта. Нашим провожатым был музыкант, известный в русских кругах как Пчёл. Когда мы добрались до места, там пылал пожар... Это была не наша вина!

«Мальчик-кентавр». Как-то я сидела в литературном кафе, а напротив меня, на фоне книжных полок — симпатичный мальчик-кентавр. Он говорил на иврите с большим дядей о чем-то высокофилософском... Я его рисовала.

«Иудей на белом». Иногда в Иерусалиме наступает зима и падает снег. Я никогда не видела заснеженного Иерусалима...

«Ангел и город». А однажды мы заблудились. Т. е. не однажды, а много-много раз... Новый год мы встречали на пустой трассе in the middle of nowhere (как мы там очутились и как мы вообще куда-то попадали, в двух словах и не расскажешь). В итоге всегда случалось волшебство. И вот 31 декабря нас спас один дальнбойщик, опаздававший к друзьям на праздник. На прощанье он угостил нас мандаринками с шоколадкой...

«Два иудея». Был праздник Пурим. Все наряжались в карнавальные костюмы. Я опять никуда не пошла, сидела дома и рисовала. И это было так прекрасно... так...

Наталья Грезина

Севастополь
<http://www.flickr.com/photos/grezina/>

Миф 21

Миф.

Доказать умение женщины колдовать науке не под силу, однако и без веских аргументов ясно: Цирцей в нашей жизни предостаточно. Каждая женщина по природе своей — волшебница или ведьма. Превратить мужчину в свинью для нее дело нехитрое. Мужчина безропотно признаёт силу женских чар, становясь их беспомощной жертвой. Но стоит женщине уйти, а магии ослабнуть, и мужчина тут же берет свои слова обратно. Теперь он говорит, что Цирцея — всего лишь миф.

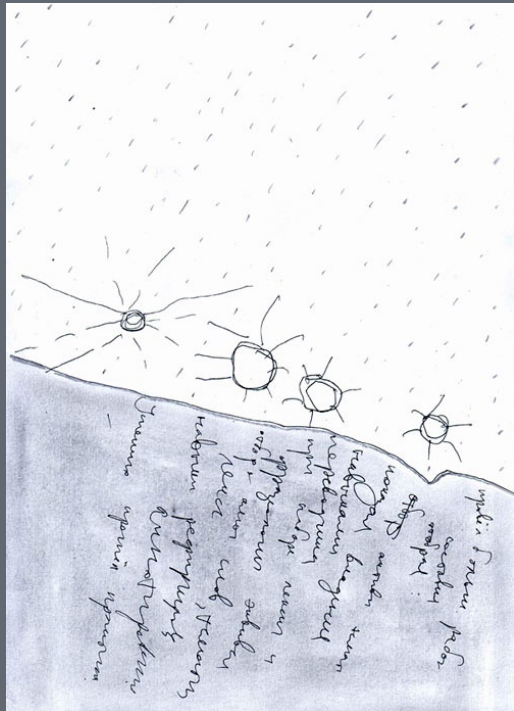

2.
 Не берите на себя смелость утверждать, что эта женщина сумасшедшая. Она – безумствующая. В Менаде сплелись, слились сразу две, а то и все двадцать две сущности. Эмоции – через край, сумасбродства – в избытке, безумств – хоть отбавляй. Женщина может быть спокойна и истерична одновременно, что сводит с ума уже других.

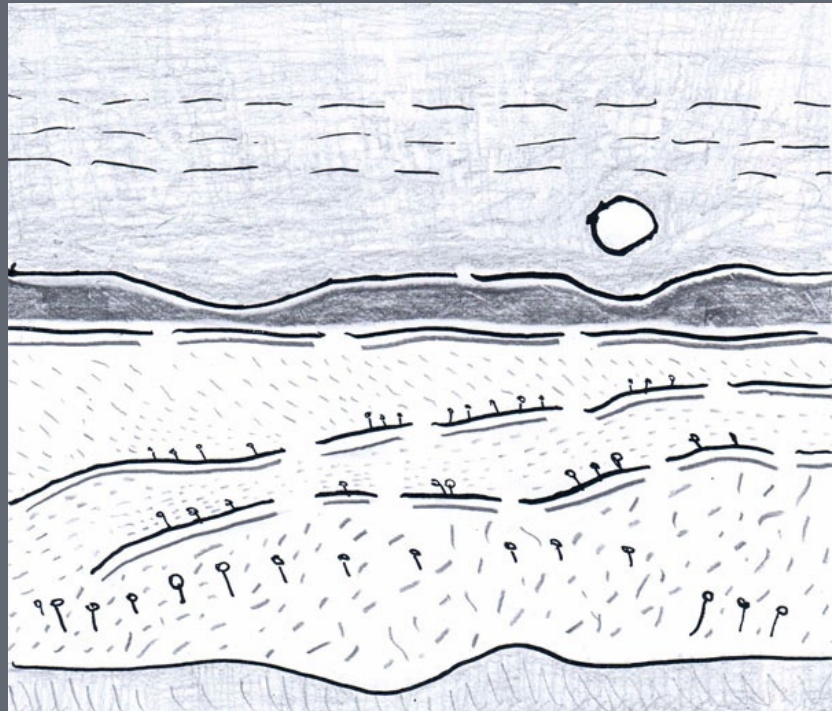

1.
 Женщина преданно и самозабвенно защищает свою крепость. Она стражник, готовый убить взглядом любого, кто посягнет на множество ключей от еще большего количества дверей. Гордая и до ужаса одинокая в своем призвании, изо дня в день она ждет, когда же явится мужчина, способный отрубить ей голову и избавить, наконец, от долгого, изнуряющего бдения.

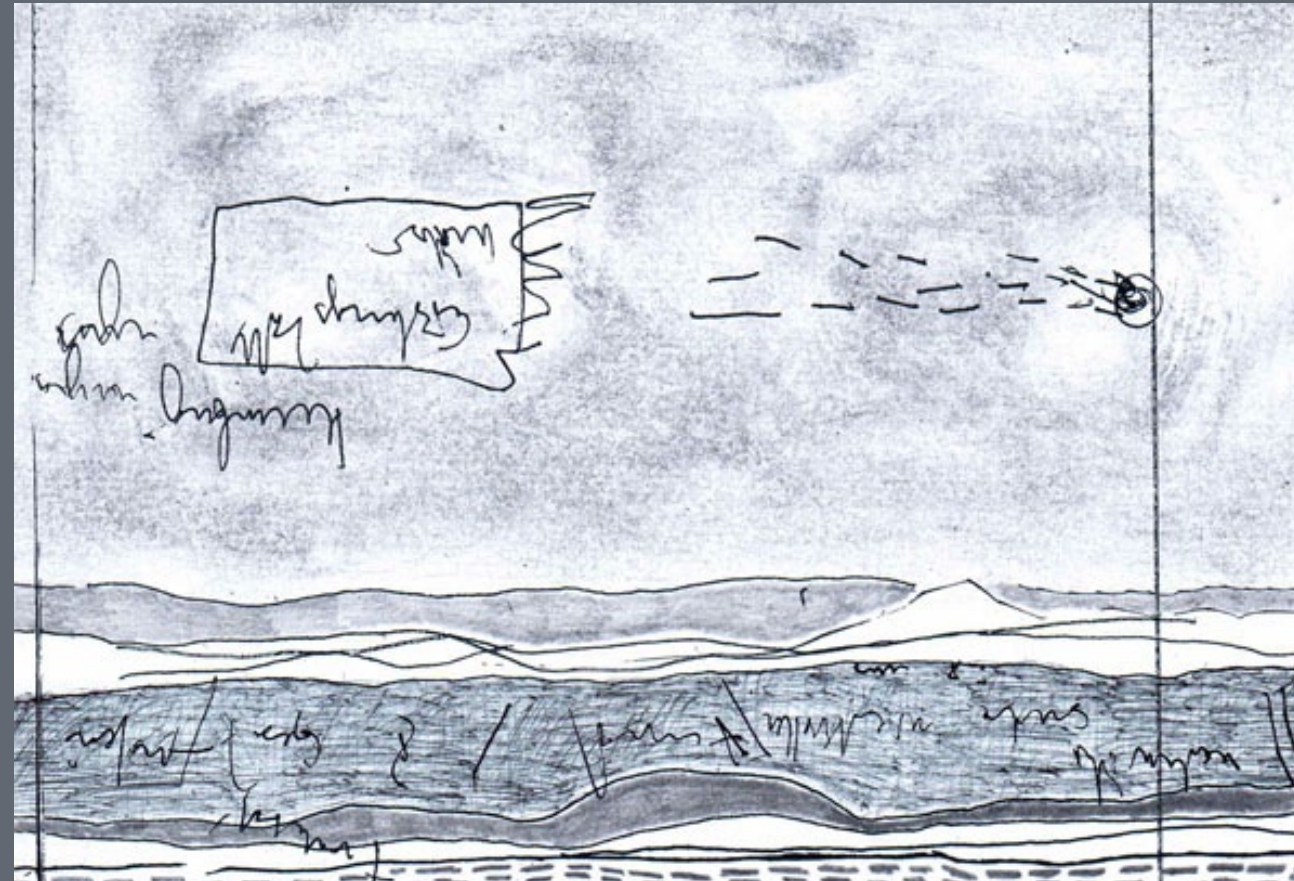

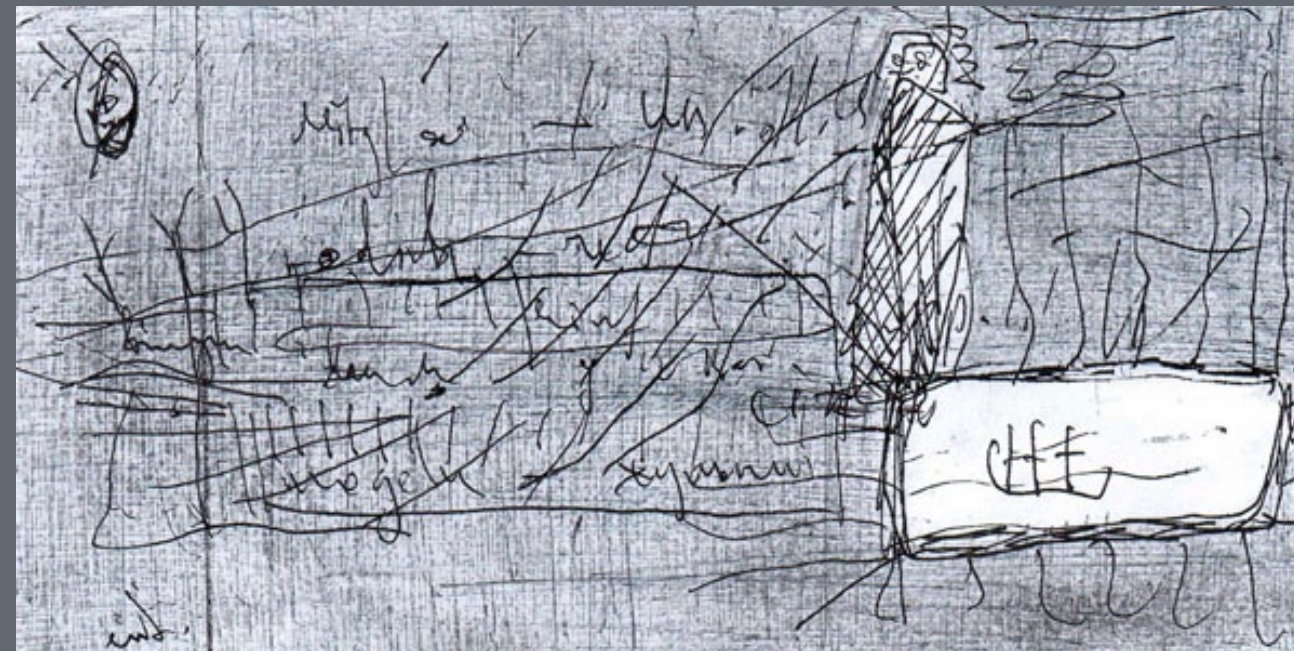
1-4

2-4

3-4

1-4

Четырѐптих

Это четыре ландшафта, каждый из которых вполне самостоятелен, но максимально раскрывает свой потенциал исключительно в соседстве с другими тремя. Мне нравится эффект, когда элементы, существующие независимо друг от друга, начинают взаимодействовать друг с другом и, в конце концов, образуют замкнутое, разреженное, непроницаемое пространство, в котором трансформируются и смешиваются знаковые системы, настроения и взаимосвязи. Это основная концепция не только этого четырёхптиха, но и вообще очень многого из того, что я делаю.

Недогле

Москва
<http://ned-ogle.livejournal.com/>

КОНЦА ДЕТВИ

Юлия Никифорова
Валерия Соколовская

Юлия
Никифорова
Севастополь
<http://www.flickr.com/photos/suok/>

Историческая справка:

Зрительные галлюцинации принято считать «обманом чувств», «мнимыми восприятиями» или «восприятиями без объекта»: психически больной человек, страдающий зрительными галлюцинациями, якобы видит то, чего нет. Однако еще в XIX веке исследователи обнаружили, что зрительные галлюцинации подчиняются физическим законам преломления света: если к глазам подносить призму, мнимые образы удваиваются, если бинокль – видение представляется больному более близким.

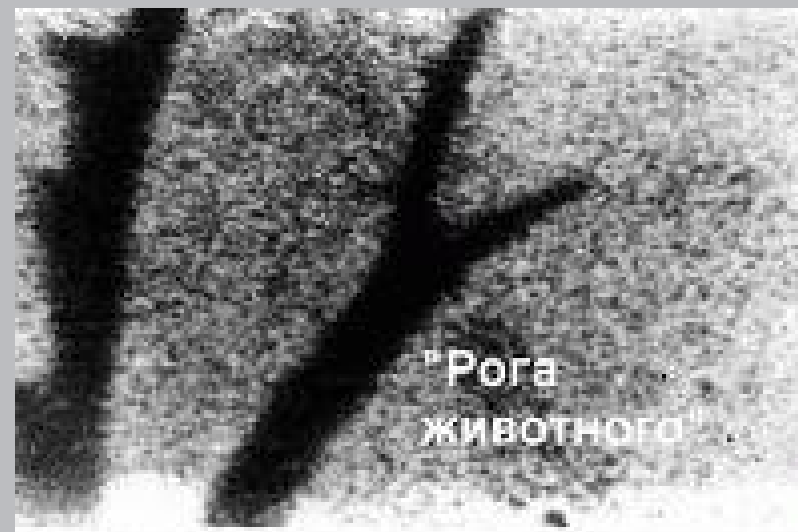
Гипотезу о том, что зрительные образы возникают в мозге и передаются на сетчатку глаза, откуда излучаются в пространство, в 70-х годах блестяще подтвердил врач-психиатр из Перми Геннадий Крохалев – фактически ему удалось сфотографировать галлюцинации. Делал это Крохалёв несколькими способами. Во-первых, с помощью кинокамеры «Лантан» и маски для подводного плавания. Вместо стекла в маске был установлен растяжной мех от фотоаппарата «Фотокор», а к суженной части плотно присоединялся объектив кинокамеры. Маска надевалась на лицо психически больного. Фотография делалась в полной темноте. Во-вторых, использовались плоские негативные фотопленки (13 x 18) светочувствительностью 65, 130, 400, 900 ед., а также

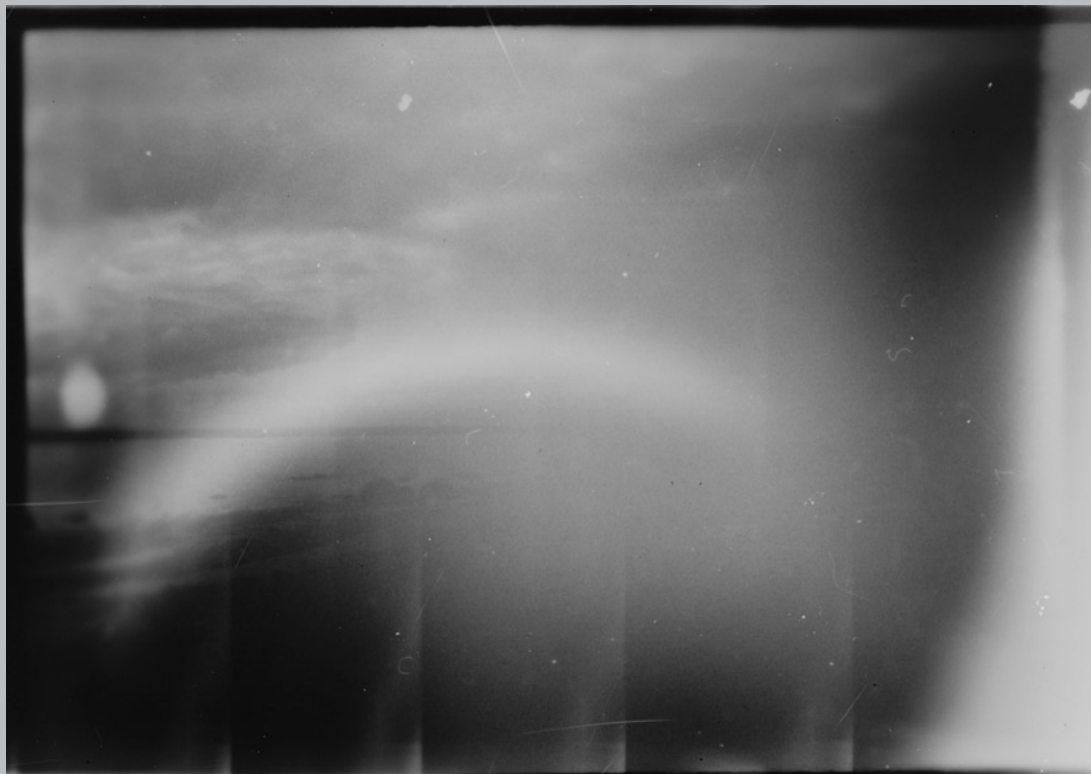
инфрахроматические фотопластинки (9 x 12) «Инфра-740», которые находились в светонепроницаемых черных пакетах. Во время зрительных галлюцинаций эти фотопленки в черных пакетах подносили к больным и выдерживали на расстоянии 20-35 см от глаз в течение 10-15 секунд. Примечательно, что все положительные результаты были получены при двух условиях: диафрагма объектива почти полностью открыта, фокусное расстояние – «бесконечность».

На основе 40 удачных снимков (от четких кадров до слабых засветок) был составлен перечень зрительных галлюцинаций: «знакомые люди за столом», «яркий образ полумесяца», «единица», «кошка», «кот в сапогах», «гвоздь», «жираф», «брат», «черт», «жук», «мавзолей», «самолет», «духовой оркестр», «памятник», «церковь», «дельфин», «луна», и проч.

Сенсационные открытия Крохалёва, на которые он потратил 17 лет, так и не получили финансирования. Более того – в 1991 году все наработки и результаты экспериментов были отправлены в Москву, где и пропали, не принеся учёному ни славы, ни известности на Родине.

В 1998 году Геннадий Крохалёв неожиданно покончил жизнь самоубийством.

Архивы были найдены при обстоятельствах, не подлежащих широкой огласке.

Помимо прочих, уже известных фото, были найдены и более информативные, более технически совершенные снимки, которые по неизвестным причинам не были упомянуты в списках. Вот некоторые из них: «лес», «берег», «дерево», «сосна».

После тщательного изучения истории происхождения позитива «сосна» как самого качественного и четкого из всех, было принято решение найти того больного, чьему «авторству» он принадлежит. Его кандидатура представлялась самой удачной для продолжения работы с аппаратом, над которым уже давно работали специалисты с помощью современного оборудования. После кропотливого поиска в разного рода архивах, в большинстве своём тоже засекреченных, этот человек был найден. Имя его по понятным причинам не называется.

После усовершенствования регистрирующего материала при помощи нескольких спектрохроматически чувствительных эмульсионных слоев, а также принципиально нового принципа проявки, группе исследователей удалось вывести результаты использования изобретения на другой уровень.

Таким образом был выявлен сам объект, преследующий больного в его галлюцинациях - человеческая фигура, принимающая разные очертания, в сосновом лесу.

Очевидным является то, что, как и в случае снимка «сосна», фотографии, сделанные самим Крохалёвым, могли отображать лишь часть картинка, зачастую не являющуюся смысловым центром изображения «видения».

В данный момент ведутся работы по фотографированию пространства как такового, без привлечения больных, так как некоторыми незапланированными фотографиями была поставлена под сомнение общепринятая теория, постулирующая по своей сути то, что галлюцинации имеют своим источником лишь навязчивые идеи пациентов психиатрических клиник.

Валерия Соколовская

Севастополь

172

...Нине было пять, и в школу ей только в следующем году, чему она бесконечно рада. Школу она не любила заранее, потому что про неё ей всё время рассказывал старший брат. А любила Нина ванильный пломбир, качели в старом парке, поздно ложиться спать и развешивать на солнце свежестиранное бельё. Конечно, бельё она развешивала не сама, и даже скорее не она, а бабушка. Нина же одевала на шею длинный шнурок, на котором красовались разноцветные пластмассовые прищепки, и по одной подавала их бабушке: сначала красную, потом синюю, потом жёлтую – и опять синюю (синих всегда было много).

Если бабушка стирала любимого плюшевого зайца, то для него Нина приберегала две белых прищепочки, таких же белых, как и сам заяц после стирки.

Нина с мамой, папой и братом жила далеко-далеко, на поезде ехать шесть часов. Дома у неё было много игрушек и друзей. К бабушке же она приезжала только на лето, и тут у неё был один заяц и один друг – бабушка. Впрочем, такая арифметика её ничуть не расстраивала. С бабушкой они ходили гулять каждый день, ели клубнику и читали интересные книги. А ещё Нина всегда помогала по хозяйству: вылизывала мисочки из-под заварного крема, протирала бабушкиными накрахмаленными салфетками пыль, «мыла»

ковер разлитым ягодным киселем. И бабушка никогда-никогда не злилась.

Но однажды случилась беда. Ночью начался сильный ветер, и одна белая прищепка сломалась. Зая болтался на одном ухе, цепляясь за мокрые простыни, но для одной прищепки он оказался слишком тяжёлым.

Когда утром Нина проснулась, заи и белых прищепок уже не было. В первый раз за свои пять лет она горько-горько плакала целый день. Это было самое большое детское горе...

...Нине было двадцать один, и, сидя на солнечном балконе бабушкиной квартиры, она думала об улетевшем зайце и о том, как много может значить одна прищепка.

Нина давно окончила школу, чему была бесконечно рада, училась в университете на экономической специальности. И часто ссорилась с родителями по очень принципиальным вопросам. Бабушки уже несколько лет как нет, а её квартиру родители решили не продавать. Теперь они её сдают отдыхающим.

Вот Нина и приехала: проявить самостоятельность, навести порядок и показать квартиру людям, которые звонили по объявлению. До их прихода оставалось часа полтора, и заняться особо было нечем. И тогда Нина решила сходить во двор и посмотреть, не лежит ли там упавшая так давно злополучная белая прищепка.

Она вышла во двор, внимательно осмотрела землю и подобрала пару прищепок — синих. Ради интереса она посмотрела на дом. Арифметика простая: девятиэтажный дом, 19 подъездов по 18 квартир, у 1/3 квартир бельё сушится за балконом. Допущение: с каждого такого балкона упала одна прищепка. Задача: найти все (114 штук) прищепок за полтора

часа, так как, собственно, больше делать нечего.

Поиск прищепок начался. Подбалконные территории очень густо засажены кустами. Приходится ползать и шуршать прямо под ними. Хорошо ещё, что воскресенье и утро — соседи ещё спят. Кое-где Нина находила целые кладбища погибших прищепок: при падении с высоты они или разбивались на кусочки, или теряли ногу, или ломали пружину. Такие уже не собрать. В некоторых палисадниках не было ничего, в других — одна или две целых, зато в одном саду нашёлся целый клад — под прошлогодними листьями лежало штук 20 разных: пластмассовых и деревянных, разноцветных и разного размера. Нина

радовалась, как будто ей 5 и в школу идти только на следующий год.

Облазив все вокруг дома, Нина радостно поволокла домой довольно надувшийся пакет с прищепками. Она хотела их сразу рассмотреть, но тут пришли смотреть квартиру. Смотрели придирчиво: обсуждалась планировка, кладка камня, метраж кухни и, конечно, цена. Потом устали и решили, что метраж и цена всех устраивает и въезжать будут завтра утром. Так у Нины остался только вечер, чтобы собрать вещи и поспать перед отъездом.

Но прежде она решила рассмотреть добычу. Расстелила на балконе газету и высыпала все собранные прищепки. Посчитала — получилось 172 штуки. Разложила по цветам: красные, зелёные, жёлтые, чёрные, синие (их всегда было много). Было и 5 штук белых, но узнать «свою» Нина так и не смогла.

Утром квартиранты получили ключ, внесли вещи, осмотрели квартиру ещё раз и нашли на балконе газету с горой разноцветных прищепок. Среди них не было только белых. Глупо, конечно...

Названия пока нет

Москва

Лиза, Поля,
Ксюша, Саша
Оля, Алевтина, Глаша,
три Тамары,
воробей, —
всей артелью сей же час
взять готовы ваш заказ.
Нет прораба,
нет монет
и названья пока нет.

Наш осел похож на грушу,
Поля рисовала уши,
Ксюша вырезала хвост,
Саша клеила помост,
Лиза бегала вокруг,
Алевтина — просто друг.

О спонтанной и непостоянной московской группе художников «Названия пока нет» специально для bгic-a-brac рассказывает Елизавета Новикова, а свои работы показывают самые активные участники объединения.

«Вообще все мы учимся на художественном факультете ВГИКа (но на разных курсах и у разных мастеров) и часто участвуем в выставках от Союза художников, которые проходят раза три в год. Со временем нам захотелось устраивать свои выставки, чтобы самим задавать тему, приглашать интересных нам художников-друзей, музыкантов, операторов, кинематографистов. Мы дружим, общаемся, и эта мысль давно витала в воздухе! Как художественная организация мы начали выступать с 2009 года.

От обычных творческих объединений мы отличаемся тем, что у нас нет строго регламента по приему в группу да и вообще никаких членских собраний. Все происходит естественно: мы зовем друзей, творчество которых нам особенно близко, а кто-то и сам незаметно вливается. В итоге в проекте участвует от трех-четырех до 30–40 человек!

Кто угодно из наших художников может предложить тему выставки и найти зал — мы всегда его поддержим, обсудим и решим, что же именно для нас подходит. Мы все стараемся делать сообща.

А так мы все существуем отдельно, каждый занимается чем хочет. Одни участвуют в конкурсах фотографии и учатся снимать, другие путешествуют и рисуют по путевым заметкам, кто-то организовывает мастер-классы, пишет картины или работает в кино. Наконец, находятся личности, успевающие все одновременно, и даже те, кто просто лежит на диване, но не становится от этого плохим художником! У каждого свой подход, и мы стараемся его уважать!»

Василий Красников

Москва
<http://artkrasnikov.blogspot.com/>

Левша

Питер

Рыбы в небе

Ольга Коваленко

Москва

Александра Павлова

Москва

Мюнхаузен

Полина Микитенко

Москва

Ксения
Пархоменко

Москва

Лизавета Новикова

Москва

Роковые яйца

Дома забытого города

автор проекта
Сергей Трафедлюк

Елена Вильчукова
Виктория Данилюк

Виктор Нефёдов
Редакция журнала

Владимир Чурсин
Александр Пантелят

Нана Деменкова
Валерия Соколовская

Анна Минакова
Виктор Цатрян

Юлия Никифорова
Виктор Цатрян

Полина Родригес
Майя Анчель

Лина Дамиани
Виктор Цатрян

Елена Вильчукова
Лейла Мосиашвили

Лизавета Новикова
Руслан Поддубцев

Владимир Новиков
Дмитрий Аверьянов

Ольга Васильцова
Сергей Трафедлюк

Наталья Грезина
Валерия Соколовская

Лизавета Новикова
Виктор Цатрян

Лина Дамиани
Лейла Мосиашвили

Дмитрий Аверьянов

Маленький домик

Звучный, как «как аккордеон»

1.
Вот в этом вот маленьком домике
Забытом,
 забытый, как дом,
Всё тот же,
 когда-то жил полненький
И звучный, как аккордеон,
Мальчишка;
 простой да непризнанный
И тихий, как рваный чехол
От аккордеона,
 сюрпризами
Был полон мальчишка,
 не зол,
Не храбр, талантлив, как клавиши,
Беззвучен, как рыбы меха, —
Вот точно как ты, когда давишься,
Глотая от рыб потроха.

Мальчишка не связан был с нотами
И вечно стрелял мимо нот,
Весь дом наполнялся пустотами
От нот, —
 пустотою поёт, —
Вот так говорила хозяйюшка,
И прачка, и девка, и кот,
И шапка, и сани, и варёжка,
В сравненьи которая — рот,
Веснушки, которые вёснами
На лицах мешали краснеть,
Когда прачка с девкой за соснами
Хотели с парнями;
 паркет
Скрипел, подпевал что-то мальчику,
Скрипел, как засов у ворот.

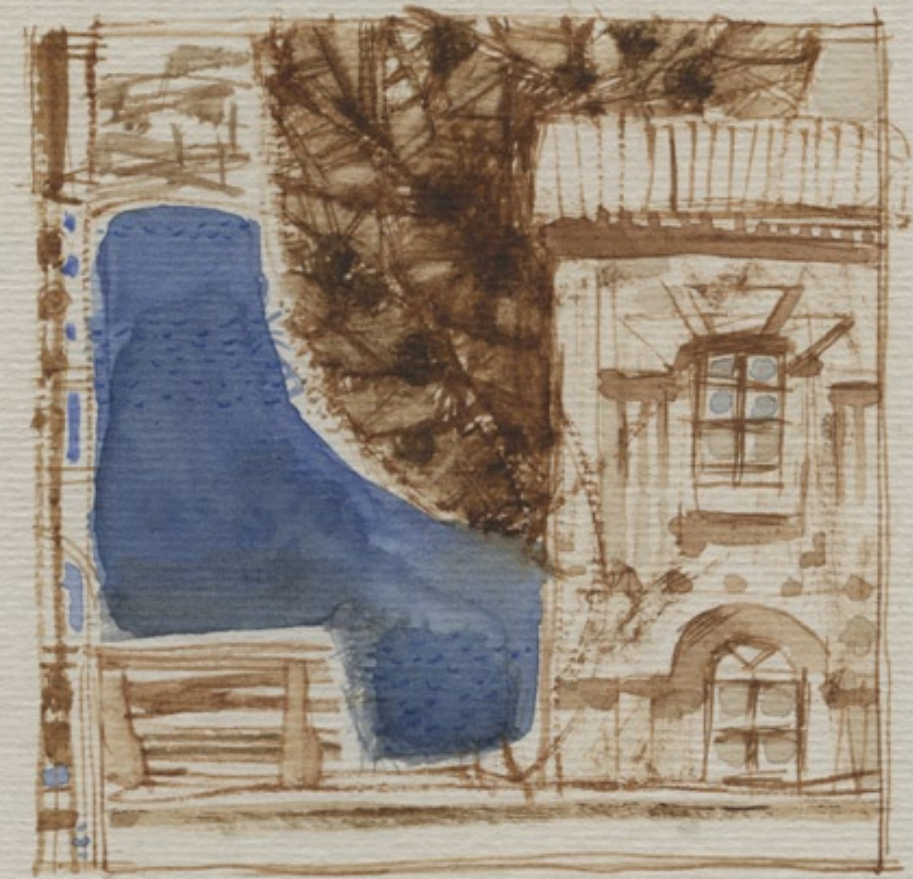
Закрылся замочек премаленький,
Жильцы на него дружно — рот.
Сидели все вместе и слушали,
И слушал разваленный дом,
Дома не ушами, а душами
Всё слышат,
 и слышит проём
Дверной
 и замочная скважина,
В которую ключ или глаз,
И кухонка, вся напوماжена;
Затихла вода, банки;
 газ
Без вспышки и крика отчаянья
Затих и замолк до утра,
Чуть ухнул в момент угасания,
Забыв про свои сектора.

Такая вот сладкая музыка
Летела в том доме — без нот,
Хрипела хозяйюшка грузная:
Охо... пустотою поёт.

2.
Всё в этом же маленьком доме
Жил мальчик другой, очень тихий,
Не знал он гармошки, гармоний,
Но знал диспондей и пиррихий.

Сидел он в углу и карябал
Крючки на листочках помятых,
Ловил и выкидывал на пол
Заоблачных рыб полосатых,

Придумывал то ли рассказы,
А то ли какие-то грёзы,
А может, какие-то вазы
И в них же какие-то розы.

Не пел, а писал пустотою;
Ходил так — штанишки да майка,
Его называла водою
Знакомая наша хозяйка,

И дверь в его комнату с краю
Она закрывала покрепче,
Когда проходила, седая,
Надвинув свой розовый чепчик.

Такой вот парнишка обычный
Тут жил, а потом как-то съехал —
Покинул свой домик кирпичный
Однажды Антон Палыч Чехов.

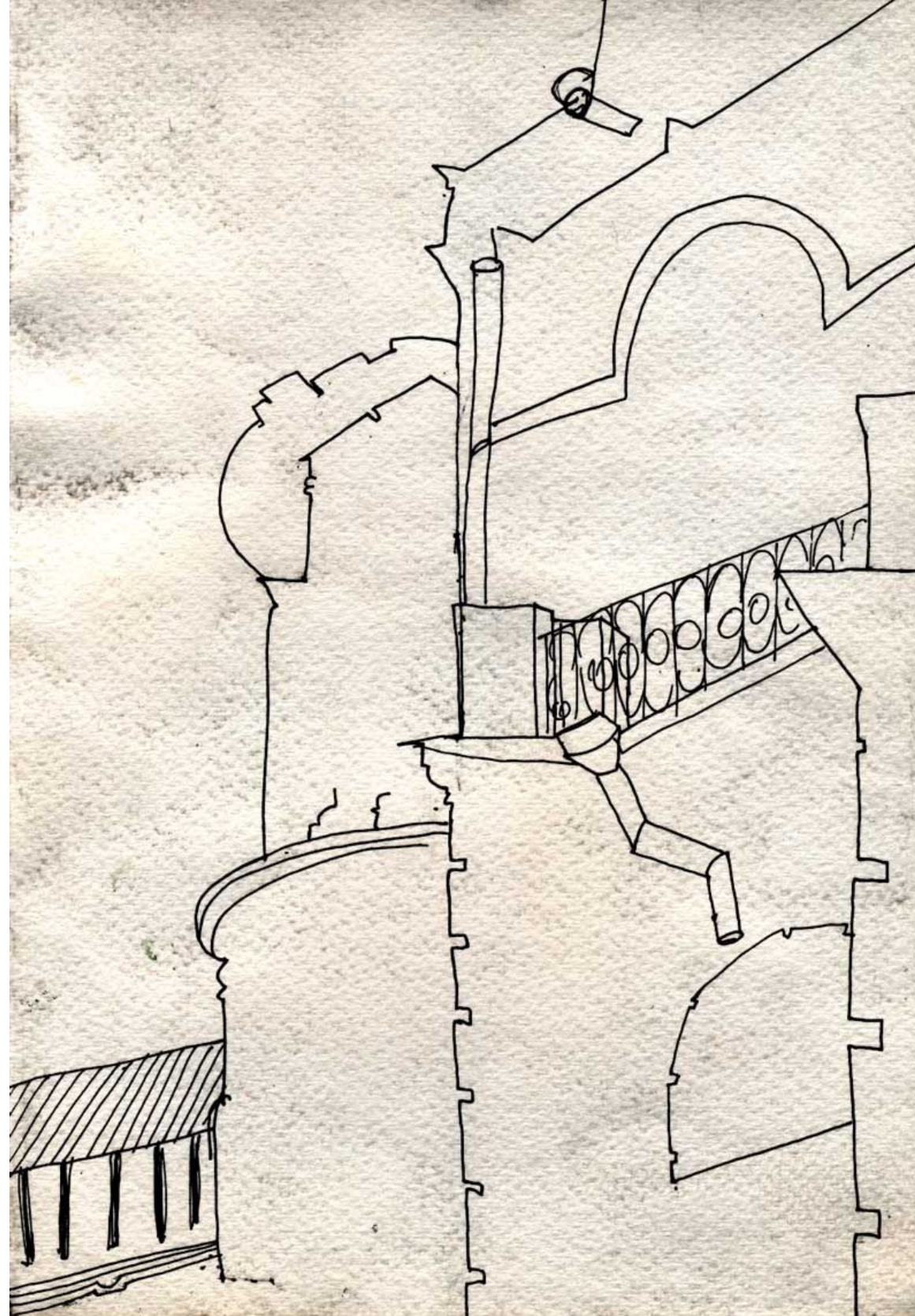
Владимир Новиков

Лизавета Новикова Руслан Поддубцев

Чёрным по белому

Сумерки. Свет в квартире не зажигают. Кажется, что все предметы покрыты толстым слоем пыли. Лишь на полу коридора, соединяющего прихожую с кухней, лежит жёлтый прямоугольник. Это мать готовит ужин. Пахнет капустой, гречневой кашей и сырой рыбой. Петя, приняв себя, выходит из детской. Он делает несколько шагов по мягкому ковру и обращает внимание на узор под ногами. В час между собакой и волком яркие диковинные цветы превращаются в мутно-зелёную тину. С радостью уступая своему воображению, Петя вскакивает на ближайшее кресло, чтобы не увязнуть в болоте. По стене гостиной скользит тень оконной рамы. Значит, где-то из подворотни тяжело выезжает на проспект автомобиль с включёнными фарами. Мать бросает рыбу на сковороду — приглушённый, но от этого не менее острый шум разрезает тишину на лоскутки-искорки.

Петя открывает дверь в соседнюю комнату. К запахам снеди примешивается горечь табачного дыма. Отец в полумраке неподвижно сидит на стуле, смотрит в окно и курит трубку. На нём — вязаные носки, штаны с пузырями и полосатый тельник. Петя беззвучно проскальзывает в дверной проём. Слегка повернув голову, отец продолжает смотреть в окно. Прямая спина и широкие плечи выдают его крепкий характер, который не утаишь под ветхой одеждой. «Главное — быть не красивым, а чистым», — так он всегда говорит. Петя подходит к отцу и молча трогает его за плечо.

Снаружи не очень темно. Можно разглядеть дом напротив, с изогнутой водосточной трубой и покосившимся балконом. Там никто не живёт, поэтому на перила часто садятся птицы — воробьи, вороны, голуби. В сумерках легко принять их за каменные фигурки. Отец вытряхивает пепел в жестяную банку, которая стоит на подоконнике, и по новой набивает трубку. Пожелтевшими пальцами он аккуратно разминает табак, после чего достаёт коробок спичек. Вот, наконец, к потолку поднимается струйка дыма, сначала бесформенная и зыбкая, а через некоторое время — тонкая и упругая, как нить сапожника. Не этой ли нитью вышит на бледном фоне осеннего неба силуэт дома за окном? Не она ли вплетена в причудливые завитки перил? Мастер широкими стежками обозначил изгибы и границы, оставив, как всегда, невидимый узелок на изнанке.

Большая архитектура городских окраин. Каждый разбитый сарайчик жмётся к зданиям побольше, а те стоят опираясь друг на друга. Только так — вместе — они могут уцелеть. Отец внимательно вглядывается в сизые стены, желая сохранить в памяти это наивное нагромождение кирпичей. «Смотри», — говорит он. И кивает головой в сторону окна. «Дым», — растягивает Петя, который простодушно следит за тем, как вьётся нить. «Дым, дом, — шепчет отец, — дом, дым». Вдруг перед ними на карниз с грохотом падает птица. У неё серые перья и чёрный клюв. Петя вздрагивает и прячется за спину отца. Через секунду птица проворно срывается с места и разделяет вечерний пейзаж за окном на две неравные части.

Петя, задумавшись, упирается глазами в отцовский затылок. Он ещё не научился ценить холод неодошевлённого мира и тянется только к человеческой ласке. Проседь в волосах отца ещё кажется ему счастливой отметиной, сулящей долголетие. Петя переводит взгляд за окно. Стемнело. Дом — большая чёрная глыба. На левом её боку лежит отсвет уличных фонарей. Пете хочется взглянуть на кусочек улицы внизу, но тут из кухни доносится голос матери. Пора ужинать. «Пойдём», — отец гасит трубку и уходит. Рыбный дух, проникающий в комнату через открытую дверь, вытесняет табачную пелену. Воздух становится живым и липким. Петя некоторое время сидит на стуле. Он, конечно, запомнит всё это: фигуру отца, дым, птицу, дом. Запомнит как нечто нераздельное, туго-натуго сшитое серыми нитками. Потом ему будет не хватать одного без другого. Так начинают курить, берут в руки кисть, мастерят первый скворечник.

Нана Деменкова

Путешествующая открытка

Валерия Соколовская

На открытке было много штампов и марок. Таких красивых дворник дома № 16 по улице Ореховой ещё не видел. Марки были из неведомых стран, о которых он даже и не слыхивал. На открытке был адрес – улица Ореховая, дом 16 – и всего лишь одна фраза: «Ты найдешь меня здесь». Номера квартиры не было. Дворник задумался: сам он никого не искал, значит, открытка предназначена кому-то из жильцов. Постояв минутку и повертев открытку в руках, дворник опустил её в почтовый ящик № 1.

Виктор Михайлович любил, чтобы его звали дядей Витей. Он всегда хотел детей и внуков, но как-то не сложилось. Он очень любил возиться с соседскими ребятами, с удовольствием катал их на своем стареньком велосипеде и угощал их леденцами монпансье из жестяной коробки...

Открытка лежала у него на столе второй день. Сначала он подумал, что в его ящике она оказалась неспроста. Кто же из его потерянных друзей мог отмотить такую шутку? На ум приходил лишь Гера, который сразу после института уехал на Север. Но присылать такую открытку Гера бы не стал. Прислал бы с огромным белым медведем, с радостной своей ухмылкой на фоне вечной мерзлоты. Вот ведь удивительно, что именно такая вещь напомнила ему о старом друге. Дядя Ваня накинул на плечи шерстяной пиджак и спустился вниз, к почтовым ящикам. Услышав, как открытка стукнулась о дно ящика № 2, он улыбнулся.

– Да не могу я. Нет, вечером у меня встреча. Я сейчас до дома дойду и сразу отправлю тебе документы. Результаты? Сейчас, подожди минутку. Что за ерунда – ты найдешь меня здесь? Нет, это не тебе. Нашла тут открытку в почтовом ящике. Нет, не мне. Выбросить?..

Анна очень занятой человек. И, конечно, ей нет дела до всякой ерунды, на которой и адрес-то указан не её. Номера квартиры же нет. Захватив почту, Анна поспешила к лифту. А что до открытки, выбрасывать её не стала, а наугад бросила в первый попавшийся ящик.

Учиться в начальной школе очень тяжело. Школа находится рядом с домом, поэтому Кирилл родители не встречают, он сам возвращается домой, поднимается пешком на третий этаж, открывает дверь ключами, которые ему выдают под строгую личную ответственность. На общей связки висит ключ и от почтового ящика, поэтому Кирилл по пути домой обязательно заглядывает в почтовый ящик.

Сначала Кирилл заинтересовали марки. Когда-то давно, ещё в молодости, дедушка собирал марки, и после переезда остался один небольшой альбомчик, в котором оставались пустые места. Но на открытке марки сидели очень плотно. Тогда Кирилл внимательно посмотрел на открытку: волшебный город, в котором на небе одновременно уживаются луна и радуга, стоит у самого-самого моря, и его берега охраняет бумажный кораблик. В таком городе захочет жить любой ребёнок... И когда Кирилл заснул, снился ему чудесный город, в котором он бежит по залитым радужным светом улицам с другими детьми и запускает целые флотилии бумажных кораблей в лунные лужи.

Наутро мама делала уборку и нашла на столе забытую сыном открытку. Увидев, что номера квартиры в адресе нет, она решила, что Кирилл что-то перепутал. Спустилась на первый этаж и положила её в следующий почтовый ящик...

Елена Вильчукова

Лейла Мосиашвили

ПАРАД-АЛЛЕ

*Алле!.. Гон! Алле! Гон! Чудесно, собачка.
Придем домой, я тебе морковки дам.
А, ты морковку не кушаешь?
«Белый Пудель» (Александр Куприн)*

Порфирий Афанасьевич, неуверенно озираясь, толкнул рукой железную калитку. Калитка крякнула, недовольно облупилась пузырями зеленой краски, но открылась. Порфирий Афанасьевич осторожно шагнул в образовавшийся проем. Перед ним сразу же развернулась панорама: покосившиеся портики и колонны торчали по бокам обветшалого, но, по-видимому, все еще неунывающего особняка (подбоченившись, особнячок покряхтывал и покачивался из стороны в сторону), а вокруг шастали туда-сюда голуби, пышно расцветали кусты сирени, чихал водопроводный кран, развешанные на веревках штаны и рубашки пританцовывали боссанову, то и дело открывались и закрывались окошки, неприлично подмигивая Порфирию Афанасьевичу.

– Фимочка, откуда только у вас такие большие уши?! Это же не уши – это крылья какие-то, это воздушные змеи, говорю вам, Фимочка! – из крайнего слева окна второго этажа раздавались стоны виолончели и сочный женский голос.

– Карла Францевна, почему вы брали редьку у Рафимовичей? По пять? Да как же им не стыдно! – это уже возмущалось третье справа окно.

На том же этаже щебетал балкончик:

– Представляешь, Шура? А я ему говорю: «Табурет». А он мне, мол, и не говорите... Я ему – та-бу-рет! А он мне – «даже не говорите». Это он мне, представляешь? Вздор!

– Фимочка, ах, ну я просто восхищаюсь! При таких-то ушах!

– Шура, но это еще не все! Я ему тогда говорю: та-бу-рет! А он мне... нет, ну вздор!

– Карла Францевна, я бы на вашем месте взял бы эту редьку и Рафимовичам... вернул!

Тут окно на первом этаже хрустнуло, и во двор вывалился бесформенный сверток вместе с рамой и осколками стекла. За ним тут же выскочила рыжая собака и радостно облаяла сначала сверток, затем Порфирия Афанасьевича и, покружив по двору, так же радостно улизнула в проем калитки. Сверток остался лежать без движения. Порфирий Афанасьевич тихонько приблизился к нему и тронул носком ботинка.

– Галя, где ты была всю мою жизнь, я тебя спрашиваю?! – вдруг взорвался басом сверток.

Окошки тут же подхватили:

– Галя, купите у Карлы Францевны редьку, отомстим Рафимовичам!

– Шура, тут все орут, совсем не могу разговаривать! Ну, слушай...

– П-простите, какая Галя? – пробормотал Порфирий Афанасьевич и попятился назад. – Эээ... подскажите, будьте добры, где квартира номер пять? У меня тут ордерок...

Виолончель взвизгнула и захохотала женским гортанным смехом. «Что за черт?» –

мелькнуло в голове у Порфирия Афанасьевича.

Сверток начал медленно раскрываться, словно бутон на рассвете: слой за слоем спало разноцветное тряпье, показалась нога в носке и домашнем тапке, затем еще одна, такая же, затем вдруг вылетел воробей и с одуревшим видом уселся на ветку сирени... Наконец, растрепанная и небритая голова высунулась из пестрого вороха и уставилась на Порфирия Афанасьевича.

Порфирий Афанасьевич сглотнул и принялся пятиться за угол.

– Ты куда, Галя? – пробасила голова.

– Это вы мне? Какая я вам Галя?! – возмутился Порфирий Афанасьевич.

– Ох, Галя... такая... кхе-кхе... всю душу вынула, подлая! – голова закатила глаза в неизбывной муке.

Порфирий Афанасьевич насторожился, но все же повторил свой вопрос:

– Кхм, прошу меня простить великодушно, я, конечно, вам сочувствую в ваших душевных терзаниях, но не подскажите, где квартира номер пять?

Голова только тупо смотрела на Порфирия Афанасьевича.

– Гражданин, вы меня слышите?... А, черт с вами! – сказал Порфирий Афанасьевич,

вытащил из кармана подгоревший пирожок, который оказался шляпой, и приладил его на макушке.

Гражданин с небритой головой молча поднялся и стал поправлять свои разноцветные лепестки – тут оказалось, что это какое-то цирковое одеяние – гибрид клоунского или арлекинского трико и балетной пачки.

– Да, слышу... – мрачно ответил он. – Ты не Галя.

Порфирий Афанасьевич кивнул:

– Определенно.

– Чего ж ты мне голову морочишь?!

– И не собирался, что вы!

– Тогда пойдем, – гражданин-арлекин махнул призывно рукой и полез обратно в разбитое окно.

– Эээ... простите, но...

– Пойдем, говорю! – повелительный бас звучал угрожающе убедительно.

Виолончель и женский смех достигли в этот момент своего апогея. Порфирий Афанасьевич, тяжело вздыхая, полез следом.

Полумрак в комнате несколько скрадывал ужасающий беспорядок – разбросанные цирковые костюмы, чашки с недопитым кофе и пустые винные бутылки, на потертом кресле – астролыбия, две керамических свинки, ласо, старые фотографии. На стенах – афиши и

большой портрет очень красивой рыжей женщины с белым пером в прическе.

– Галя? – понимающе кивнул в сторону портрета Порфирий Афанасьевич.

– Угу... – простонал арлекин, вытащил из-под кровати початую бутылку и разлил в стаканы темно-желтую жидкость.

– Да-а-а уж, – протянул Порфирий Афанасьевич и причмокнул: что уж говорить – коньяк был очень хорош.

Так они сидели, пили и молчали. А время стекало по граням стаканов – вязкое, мутное – и терялось в неспешном движении старых стен, змеящихся трещинах штукатурки, разошедшихся оконных рамах. Голоса все звучали, издали, потусторонне, и не унималась виолончель, хохоча из крайнего слева окна второго этажа.

Виктор Цатрян

Дом Небоскрёб Кондоминиум

Утро раннее-раннее.

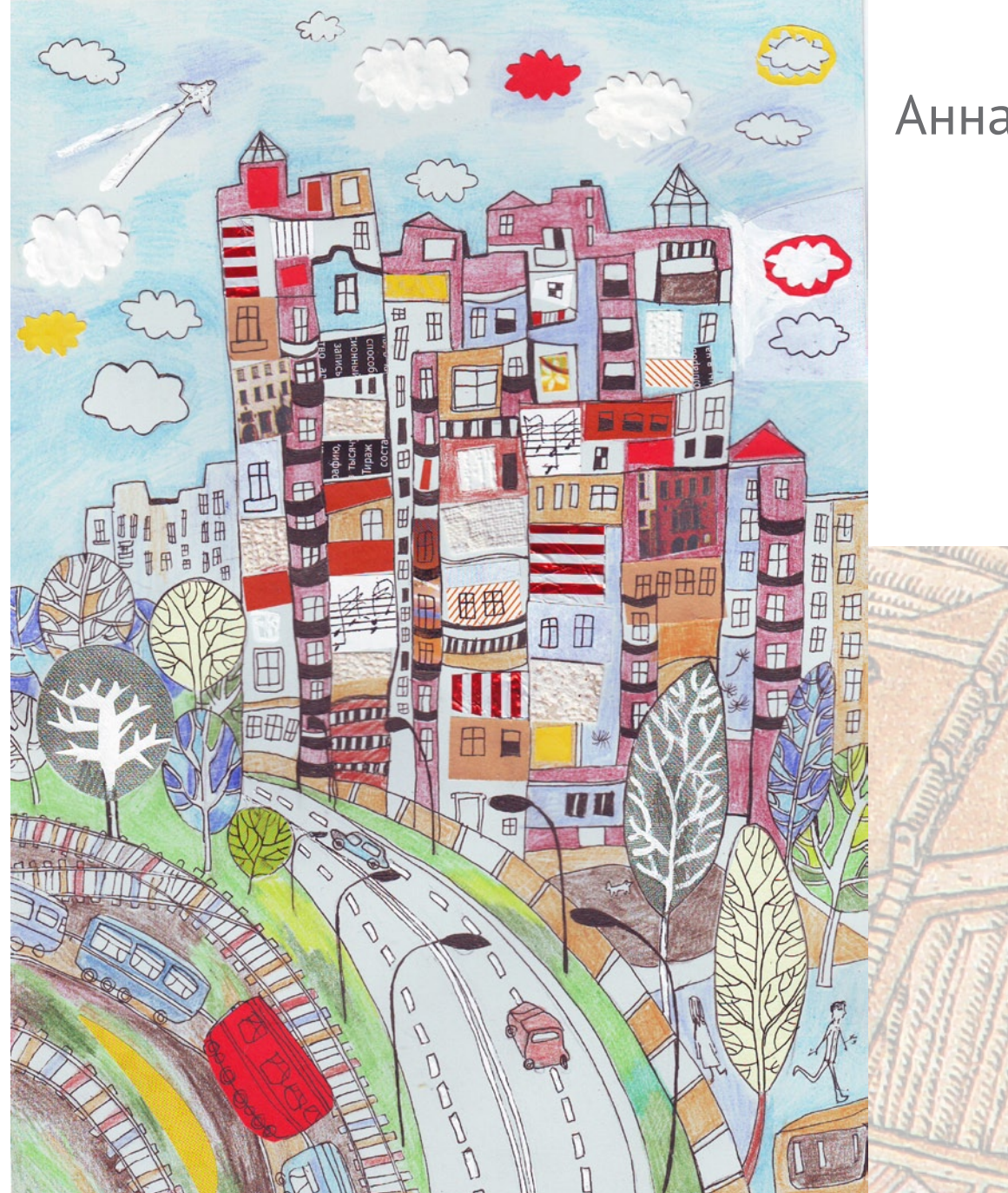
Солнце заглядывает, прячется, заглядывает в окно, солнце смотрит, как Вы, пробудившись, лежите — тело под одеялом, на одеяле руки — и смотрите, немного щурясь от яркого света, в окно, где в голубом небе солнце окаймило облачко, облокотилось на него, подпёрло кулаками кудри и не пускает. Облачко вот-вот заблеет, а Вы вот-вот встанете, распахнёте свежему воздуху окно — давай, влетай! — поцелуете румяную щёку и растаете, побежите водой за стеной, заструитесь ленивою утренней песней.

Вы лежите под одеялом, на одеяле руки, и думаете о том, что, должно быть, ещё очень рано. Но сон ушёл, и следа не оставил, и Вы, совершенно свежий, лежите под одеялом: голые руки, грудь, плечи, шея, голова. Мысли топчутся по кругу друг за другом.

Представьте, есть на свете страна, где у каждой семьи земли столько, что ближайший из добрых соседей, его дети, жена, восемь кошек, три коровы и кроличья ферма, за полмили — не меньше — живут.

Вот, к примеру, семья пианистов. Ля-ля-ля, тру-ля-ля. В чёрно-белой просторной беседке, как на сцене, стоят два рояля. Погостить к пианистам приходят скрипки, флейты и сын дирижёра. Стулья ставят они полукругом и от ужина до чёрной ночи наводняют чернеющий воздух музыкой.

Или представьте одинокого шахматиста. Его дом облицован плиткой двух цветов. В доме четыре этажа и шестнадцать комнат, но

одинокий шахматист пользуется только тремя: в одной он спит, во второй он ест, в третьей... Что же он делает в третьей? Если третья, как и первая, находится на втором этаже, а не, как вторая, на первом, и если шахматист не помнит об остальных комнатах, потому что они или заброшены, или пусты — да и ключи от них он потерял за ненадобностью, — то... Итак, третья комната... Что с ней делать?... Дом

Анна Минакова

тонет в бархатной, как подошва фигур, тишине и, возможно, засыпает.

Или семья ботаников, ботаников, шесть, семь, восемь человек ботаников. Папа-ботаник, мама-ботаник и четыре, пять, шесть детей-ботаников: два, три сына и одна, две, три дочки. Их дом похож на оранжерею, их оранжерея похожа на сад, их сад похож на лес, их лес ни на что не похож. Они объездили полмира, от Каира до Каира, и собрали всё, что можно было собрать: дуб, акацию, вереск, даже шёпот листвы, даже свет солнца, даже водную гладь.

Ещё в той стране живёт журналист. В его доме живут чужие голоса, на стенах висят портреты чужих людей, он читает, что написали другие, и пишет, что сказали другие. Он рассказывает одним людям о других, другим об одних. У него 123 диктофона, 6 камер и 33 фотоаппарата. Больше ему не надо.

Наконец, есть там дом тёмный, пустой, зловещий. В нём свирепствуют мухи и молчат одичавшие вещи. Лучше о нём не знать, а тому, кто узнал, забыть и не вспоминать. Никогда.

А теперь представьте... Нет, Вы представьте, представьте... Представьте, что лежат в небе белые, золотистые, красные облака, что скачет солнце по ним, что беззвучно проводит линию самолёт, что скрипит карандаш в руке журналиста и теряет по крупичкам алмаз внутри, а сам журналист подносит кончик карандаша ко рту или чешет за, что шахматист гневно мычит и, упершись взглядом в потолок, трясёт кулаком, что над его головой не смолкают чарующие звуки муз, что мухи жужжат и кружат, и бьются в тёмное окно сгоревшей, что на один из балконов вышла девочка с лейкой, чтобы полить бесчисленные в горшках и кадках, что их не счесть, что пары, квартеты, оркестры глаз глядят в открытые, прикрытые, закрытые, что эти этажи, что эти люди, что эта теснота...

Самодовольно лает собака, звенит трамвай, шелестит листва, два прохожих молча минуют друг друга.

Утро раннее-раннее превращается в раннее утро.

Полина
Родригес

Майя Анчель Хахниссини

Я вижу, как рвутся звуки, которые невозможно порвать, как цельность становится мшистой, словно камень расцвел и стал без воды истончаться. Вижу, как свободен, какой ребенок — мой океаноглазый сосед — слушает музыку пальцами, музыка льется, и каждая невидимка-нить — как стрела — внутренняя марионетка любви ко всему, что слышит. Я вижу север и ночь, что полюса смыкает, ступаю в русла рассветных рек, и твой гранатовый снег вот-вот заискрится на внутреннем лезвии век.

Вчера за плечами был Лиссабон, и мы ему снились, сегодня морские ежи подошли к границе в закатных водах, а утром вспыхнут маковыми голубками и улетят телеграммы в пропах-

ших огнем конвертах — крошечных, выкрашенных в цвет старых газет и слов, слов тоже старых — чтобы пыль поднималась веером, когда ты берешь их себе в ожерелье — соленые песни, пенные, как небо, когда смеется.

Как начинается утро? Леди скрипичных звуков смеется всем телом, отрываются голоса от волны, пальцы к губам — «шшш». Беззащитность такого рода носит зеленый цвет. Полет не имеет цели. Утро мое чутко дышит. Утро мое носит имя так же звонко, как ты.

Я вижу, как меняются вещи, как свет станет звуком на волосах, спустя один перестук колеса изменятся наши лица, память уйдет в моря, дороги начнут двоиться. Белая птица несет с собой гавань, твои паруса — мой марсианский маяк, сквозь мартовские снега слышу твою колесницу, выхожу на чердак отзывать якоря.

Когда море было как море — на земле и на небе — полным летающих рыб, у луны было одно только дело — петь ему колыбельные и расти от любви, вырастать в планету с молочными утрами в прозрачных колодцах. У приливов были свои пути, и паутины меридианов были как луны и реки, взявшие за руки. А ноты росли на деревьях, и если я хотела тебя позвать, то выбирала самый спелый и ясный звук, он падал в ладони сияющим «Соль!», босые яблони танцевали.

На дне вулканов прорастали первобытные колоски, они щекотали нам, первым встреченным, пальцы, и мы бежали по кратерам, как умеют отколовшиеся капли сбегать по льдинам.

Мы видели счастье. Смычок летит вверх, и звук пьет свет на дне лужиц, вспышка гаснет только в улицах ветров, касаясь случайных свирелей-губ. Счастье — как «Мои заповеди блаженства» — из несовершенных клочков, из антарктических вскриков, привлеченных одной тишиной в полулунах сердца. В целую каплю сложился мгновенный звук — «Мои камни цветут».

Посреди апельсиновой рожи родился наш Дом и громко заскрежетал. Так мы узнали, что бывают дома без колес — в них сладко спится, бывают крылатые, что вьют гнезда, а бывают те, что ходят кольцами и кругами, и заново бел каждый круг. Как и положено, Дом с самой первой минуты был нас гораздо старше, опытнее в обращении с оркестровыми домовятами и в сотни апельсиновых долек мудрее. Он точно знал, как водить за нос перепончатых и крылатых, как искать весла в прибрежных водах, и как колдовать дорогу туда, куда глаза еще не глядят, а голос уже улетает. Знал даже, что все знает и что кто-то из нас заблудится, как котенок, не переживет остроты, родится и снимет панцирь, чтобы стать громче снаружи, а изнутри — тише, как янтарная топь, научится слышать еще не родившийся цвет — как пульс — есть-нет — и даст ему свой акварельный голос; кто-то обмелеет, снова найдет на дне снег, растопит половину месяцев в топках лихих поездов, а половину — между расщелинами в зиме и — как майянский змей — оперится.

Смотри, у тебя призрачные ладони, в них виден след беглых лун, у меня — твои бирюзовые пальцы в глазах, солнце вышивает в них карусели с песочными часами фигурных лошадок. Раньше не было этих годовых колец вокруг запястий. А сейчас ими можно звенеть, как браслетами — по кругу за слово, по колокольчику за отсутствие слов. Писем больше не будет. Идем на свет.

Наш Дом, наше море всегда поют одно слово, устричное и бесконечное. И мы так и будем находить и искать наш Дом, чтобы петь вместе с ним, обнявшись, покачиваясь на волнах, — «Хахниссини». «Возьми меня в себя».

Александр Пантелят

Уходя

В этих стенах
только и слышно что
эхо
никому неизвестного
слова «прощай»

Шаг за шагом
стиралсись углы комнат

шаг
за
шагом
здесь останавливались часы

Уходя
они оставляли
на память о себе
открытые двери

На стенах ты увидишь
пустые рамы для картин

а в ящике одного из столов
ты найдешь
фотоальбом
с засвеченными фотографиями

и когда ты нажмешь на выключатель
давно отсутствующего света
эти комнаты
окончательно сотрутся
с карты твоего города

и все они о тебе забудут.

Владимир Чурсин

Валерия Соколовская

Со стороны тени

У окна две возможности: смотреть наружу и смотреть внутрь.

В доме было одно окно и не было дверей. Человек жил в нем всегда, и не знал что значит «рождение», «время», «смерть». Просто был человек, была комната, диван, стол, стул, полки и окно. Человек вставал утром, одевался, умывался, ел, затем брал с полок разные вещи и делал то, что с ними положено делать. Так было всегда. Но когда человек изучил все предметы на полках, его внимание переместилось к окну. Из окна был виден город. Дома с высокими белыми стенами, ярко освещенные солнцем. Только одна стена оставалась в тени. На ней, прямо у окна, сидел ворон. Так они могли сидеть и смотреть часами: человек — наружу, ворон — внутрь.

Наружу

Никто не выбирал ворона. Таких птиц не выбирают. Было бы лучше, если бы был голубь или воробей.

Ворон поселился здесь сам, на этой стороне дома. Наверное, потому, что сюда почти не светит солнце. Дом с высокими белыми стенами стоит на самой окраине, но с того самого дня, как прилетел ворон, ни одна птица больше не появлялась над городом.

Ворон, прохаживаясь по стене, внимательно наблюдает за людьми, склонив голову на левый бок. По вечерам он летает над городом и заглядывает в освещенные окна. Люди не обращают на него внимания, да и вряд ли кто-то знает о его существовании. Он часто сидит у моего окна. Может, только я о нем и знаю.

Прошло очень много дней, и город стал меняться. Постепенно, час за часом, он погружался в молчание. Ушли звуки, которые я

знаю — гудение электрических лампочек, шум воды в кранах, грохот автомобилей. Вместе со звуками ушли и люди. Не собирая вещей, люди уходили и уезжали туда, где можно свободно дышать. И с каждым новым вдохом воспоминания о городе стирались из их памяти.

Я остался один. Только ворон прилетает сюда каждый день. Он все смотрит и смотрит.

Почему город опустел? Виноват ли в этом ворон, который просто летал и заглядывал в окна? Или это место на земле, где я должен остаться один? Я и ворон. Никто не скажет да и никто не вспомнит об этом городе.

Солнце продолжает освещать мощные улицы, осыпающиеся фасады, иссохшие деревянные ступени. Продолжает освещать все, кроме одной стены. Здесь живет ворон. Иногда он летает над городом и заглядывает в окна. Может быть, для него ничего не изменилось, и за стеклами он видит людей за семейным ужином или чтением книг. А может, для него никогда ничего не было за этими стеклами, и теперь он следит, чтобы жизнь не просочилась в стены пустынного города.

Жизнь здесь осталась лишь со стороны тени, на стене, около одного окна, из которого я смотрю на ворона, а ворон на меня.

Внутри

Темная стена. Хорошее место. Стекло. Что-то непонятное. Расплывчатый свет. Зажигается и гаснет. Кто-то ходит. Человек. Странно. Он не выходит. Люди из других стен выходят. Каждый день. Лицо прижал к стеклу. Смотрит на меня. Ест орех. Я хочу орех. Смотрит. Может долго смотреть. Ему одиноко. Хорошее место.

Наталья Грезина

Лизавета Новикова

Виктор Цатрян

Полтора креста

Стоят (слева направо): трухлявый бок сарая, латаный-перелатанный забор, безымянное деревце, ворота, колокольня, калитка, купол вдалеке, покосившийся дом, который спиной опёрся о покосившийся дом, который боком опёрся о покосившийся дом, — стоит гараж, бурьян прижался к кирпичным, деревянным стенам, стоит над землёй жёлтая пыль, стоит неподвижно солнце и стоит невыносимая жара — и внезапно, как ветерок, взметающий то ли мошкарку над деревом, то ли листья, врезается в городской вокзал, что неподалёку, с гулом и свистом, с гулом и дымом, с дымом и свистом чёрный, как дым, паровоз.

Дождь три дня кряду смывал за городом город, за станцией станцию и бросил, как лопата в печь, Устина в пекло, в горячий воздух, и мать его, Устинья, захлопотала, засуетилась, закудахтала, завидев на пороге крепкого, как экскаватор, высокого, как подъёмный кран, мужчину, своего первенца, выросли, будто из-под земли, тётя Клава и тётя Шура (Клава и Шура), показался и полез с расспросами старый Митрич, царствие ему небесное, царствие небесное им всем, вернулся с занятий в училище возмужавший брат, Степан, и тут же убежал в магазин, зажав в кулаке две десятки, вдруг загалдели пацаны во дворе — не для того ли, чтобы он вышел и пнул подальше их мяч? — трижды мимо окна пролетала стрекоза, лупоглазая, как повар Прохор, трусливо шмыгнувший в свою конуру и запершийся, и, казалось, вот-вот появится она, Варвара, повзрослевшая и похорошевшая за эти три года, и на колокольне запоют колокола — но ветер, как мошкарку, как листья, разметал всё это: двор был пуст, был опустошён, пустынен, из всех обитателей в нём осталась одна только одинокая стрекоза, которая, как будто ощущая моё присутствие, смотрела снизу вверх в мою сторону и постепенно понимала, что завтра хлынет настолько сильный, настолько проливной дождь, что навряд ли удастся толком различить, как строители, как техника, хорошо размахнувшись, зачерпнёт ковшем двор и, сгоряча, немую, семь лет как без колокола, колокольню, и задымит чёрным дымом костёр — чтобы на месте старого построить новое, высокое, белое, современное, фешенебельное здание.

Виктория Данилюк

Домашний

Светлый-светлый мир. Времена проступают одно сквозь другое, как лица умерших родственников в лицах внуков. Хочется провести рукой по этим шероховатым поверхностям, наклониться и прошептать в щели между кладкой, что все будет хорошо. Приложиться губами к известняку и замереть. Я хочу почувствовать пульс этого камня, я не хочу верить, что он мертв, потому что когда восходит солнце, оно согревает его так же, как мою кожу. Потому что когда идет дождь, он мокнет так же, как моя кожа. Потому что когда он наполнен жизнью, пусть вздорной, с ссорами и боем посуды, он так же чувствует свою необходимость, как и я своей кожей. Я опускаюсь на колени и прикладываю ухо к стене: это тишина, но не та тишина, что я в состоянии услышать. Это тишина абсолютная: моя тишина всегда наполнена мыслями ли навязчивыми и неумением сосредоточиться, боем ли моего сердца, дыханием ли, — она всегда наполнена. Но в тот момент, когда я слушаю, тишина этой стены наполняется моей тишиной с дыханием, пульсом и мыслями. С шумом ветра, с суетой улицы, с призраками лета. И все же это — тишина, я не вижу здесь людей, лишь тени, лишь воспоминания о них, мимолетные, едва заметные, как сны утром. Они вдруг проступают в транспорте по пути на работу, когда кто-то говорит: «Гвадалахара» — и ты понимаешь, что видел ее вот только что. На какую-то долю секунды образ возникнет снова перед глазами и исчезнет. Дежавю. Воспоминание из прошлой жизни. Крохотные и легкие мгновения, мы касаемся монолитной громадины и исчезаем. Но нас много: ступени стираются под нашими ногами, наше дыхание парами разъедает эти камни, шрапнелью выбиваем мы известковый фарш

из колонн, ремонтами въедаемся в крепкие стены, гениально-генеральными планами перестраиваем, ломаем их... Хочется верить, что без нас этому сильному и красивому гиганту светит еще меньше. Деревья прорастут сквозь его крышу и плиты перекрытия, дожди и ветры доделают остальное. Так уж это работает: с нами плохо, без нас плохо...

Что сказать тебе, Дом? Ты спишь сейчас, я снусь тебе, но это быстро пройдет, картинка сменится. Тебе непонятна моя печаль, ты знаешь только свет, только мерный бой волн, ни мир твой, ни сон твой несоизмеримы с моей жизнью. Но мне легко с тобой. Найти бы твою

ладонь и зарыться в нее лицом. Заснуть и видеть твои сны, в них ты мерцаешь всеми своими жизнями, но без боли разрушений: во сне нет боли. События проносятся мимо тебя, но не наносят вреда. Спи спокойно, добрый Дом, я буду отражаться иногда в твоих окнах...

Елена Вильчукова

в школьной
столовой

после ватного разговора

Виктор Нефёдов

ГОЛОВАДОМ!

с трубой

в школьной
столовой

после ватного разговора

ЗВОНИЛИ, НЕ ДОВЗАНИ-
ВАЛИСЬ, И ТОГДА ПОСЫЛА-
ЛИ БУМАЖНЫЕ САМОЛЕТЫ

зиговать ушки
в берлогу

Головадом

с МАТИЛЬДОЙ
БРАУНШПИГ

между торжм этажом
и поланем

в день, когда
выбили последнее
стекло в чердачном
окне

чай или

И ТУТ — ТРАХ-БАХ —
ПА-РА — РАМ! —
КРЫША РУШИТСЯ, БАЛКОН
ТРЕЩИТ, ОБЛАКА
ВАЛЯТСЯ

и нагипот тлшина

Головадом

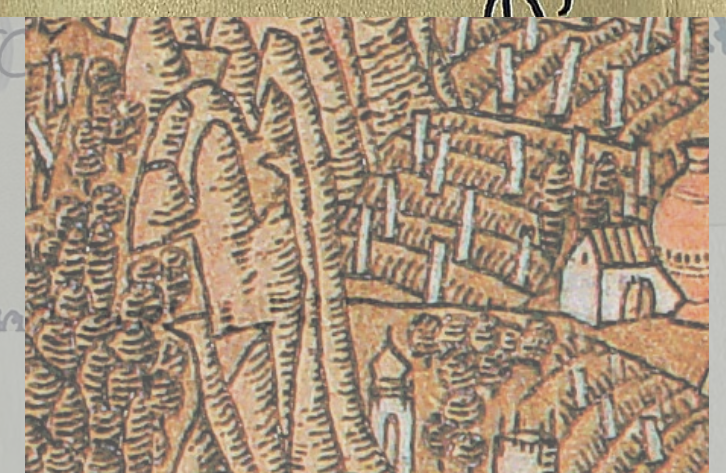
с грустью и
отчуждением

на базаре

НА ЗОРЕ, КОГДА РОСА
СВЕЖА И ХОРОША

раскручивали и скручивали

И ПЫЛЬ ПЛАВАЛА В
СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧАХ

Редакция журнала
Головадом!

Лина Дамиани

Виктор Цатрян

Пустота

Нечего сказать, да? Знакомо это чувство, когда оказываешься у микрофона перед аудиторией – а сказать им нечего? Пусто. Пуст. На твоём месте более поверхностный человек, слегка растерявшись, собрался бы и разбросал трюизмы пригоршнями. Но тебе нечего сказать этим людям – и ты молчишь.

А ведь сколько мучился, выбирал и не мог выбрать, не мог выбрать и выбирал, наконец, из всех самых важных и сокровенных мыслей самую-самую важную и сокровенную, выбирал вместо неё другую, действительно самую-самую важную, а за пару минут до выхода на сцену – третью, неожиданную, но уж точно самую-самую, какая ни на есть.

И вот ты выходишь к ним, чтобы повернуться к ним лицом и заговорить с ними, но с первым же шагом осознаешь так же ясно, как то, что сцена усеяна лежалой мишурой, что всё твоё самое-самое важное и сокровенное недостойно ни их внимания, ни времени. И в мгновение ока разверзается не просто пустота внутри – дыра. Тебе нечего сказать этим людям. Тебе нечего сказать.

И, как треск обвалившейся штукатурки, звучат подбадривающие тебя аплодисменты, эти костыли для безногого, эти очки для слепца. Люди всё хлопают, штукатурка всё валится, твой дом трещит по швам... И, не приведи Боже, ты, пересиливая себя, не вникая воплю внутреннего голоса «Не надо!», станешь произносить в оборвавшейся, мёртвой, как за секунду до взрыва, тишине обтёсанные заранее фразы. Они похоронной процессией будут выкатываться из твоего рта, неживые сами и скорбящие по загубленной только что мысли. Ни одна душа в зале не поймёт их смысла, и ты...

Три кареты подъехали к дому. Бледный, как затупившийся карандаш, и сутулый, как фонарь напротив дома, сеньор Вьекки первым подходил к входной двери, где господ уже ждали дворецкий Стефано и экономка. За сеньором в темноте коридора исчезала сеньора Вьекки – серое платье и просто собранные чёрные волосы. За ней влетали в дом три дочери, три сестры, три сеньориты, влетали так быстро, что их смех, разня, не поспевал за ними и путался под ногами Стефано, экономки и слуг.

Стефано руководил разгрузкой, экономка убежала на кухню хлопотать (деревянные ступени что-то тихо проскрипели), поэтому ни тот, ни та не слышали, как средняя сестра мучила рояль, младшая – старшую, а сеньора – сеньора. У неё было плохое предчувствие, а он угрюмо молчал. Она отчаянно размахивала руками, а он смотрел, как огонь в камине осторожно ощупывает полено, чтобы обвинить его и задушить.

Ночью были выстрелы, и топот тяжёлых сапог на лестнице, и крики. Утром Стефано и Пьетро, слуга, снимали мёртвого хозяина с фонаря, ещё более сутулого и меланхоличного, чем накануне.

Это всё было двадцать лет назад и, должно быть, было не напрасно: Италия объединилась, республика окрепла, и триколор трепещет всё уверенней.

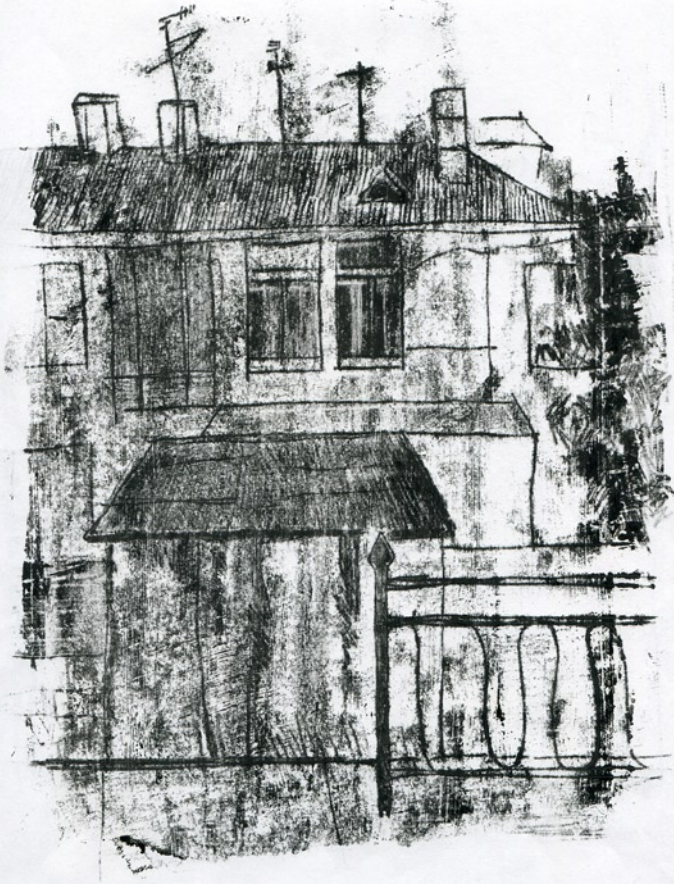
– Кокотка! – зовёт теперь свою, расхаживая по улице, потрёпанный в боях старый вояка петух. – Кокотка!

Но не дожидается ответа и удаляется к себе в пустой, брошенный людьми дом, прихрамывая и бурча: «Курва! Курва!»

Сергей Трафедлюк (без имени)

да так всё и было слышишь так всё и было лет в пять я с ней познакомился не помню уже как и почему ты же знаешь некоторые воспоминания будто начинаются из ниоткуда просто раз и возникают вдруг с чистого листа начинаются длятся длятся а потом прекращаются без предупреждения как будто шла дорога и тут вдруг разом туман съедает полотно а оглянешься назад и опять ничего нет только кусок асфальта и трава на обочине и кажется что ради этой жалкой травы покрытой изморозью все и оставалось куда вела та дорога непонятно ну так всё и было говорю же она меня потом попросила называть её просто по имени хотя как я сейчас думаю ей было под сорок или что-то такое странно как её лицо всплывает перед глазами будто из тумана тоже густого непролазного тумана в котором чаще тонут чем выплывают на зыбкую поверхность и вот её лицо так же то делается на мгновение чётким таким чётким что хоть хватай карандаш и рисуй и в розыск неси чтобы в магазине или на остановке повесить пропала такая-то но тут же наплывает жидкая пленка сгущается сворачивается в сгустки как пролитое молоко вдруг собирается в плотный кружок в ложбинке на полу и всё ничего не видно только вытянутый овал лица и неряшливые волосы отпущенное каре запущенная причёска какая-то и больше ничего белое только вокруг и ни одной царапины ни одной зацепки набросок который невозможно завершить она так и не знаю как её называть как вообще можно назвать неясный образ оставивший после себя только несколько секунд памяти одним словом она жила напротив на той же лестничной площадке она пила думаю а может просто жизнь её была такая не помню чтобы она ходила на работу не помню чтобы к ней ходили мужчины или приезжали родственники хотя что я мог за-

Ольга Васильцова

помнить или заметить в пять лет скажи да ничего конечно а просто мне тогда казалось что стоит только мне захотеть прийти к ней и она всегда будет на месте в своей квартире в своей единственной комнате со стенкой уставленной посудой с креслом наверное там было кресло и пара стульев а может и не было она будет стоять напротив окна бледного с нечеткими границами залитого светом через край и свет перетекал через край я точно помню потому что за окном не росло деревьев это потом уже выросло а ещё потом его спилили мне мать рассказывала но это потом конечно потом а пока она стояла напротив окна такая худая да худая в какой-то обтрёпанной юбке в свитере точно так и было в свитере таком знаешь старом протершемся тонком уже неопределённого цвета

наверное даже без геометрического рисунка таких свитеров тогда много было мы все в них ходили в свитерах этих и вот она стоит напротив окна и свет обтекает её и иногда нарушает её цельный контур и оттого кажется что она совсем худая исчезающая растворяющаяся в этом окне в этом бледном матовом квадрате и волосы еле видны уже и лица не разобрать совсем потому что к тому же на беду да как жалко что она тогда не повернула лицо может нет наверняка я бы запомнил его в тот момент почему ну почему люди никогда не знают какой момент окажется очень важным единственным что не сотрётся а останется этим куском асфальтированного полотна с озябшей травой с ломкой озябшей травой обступающей серую заплату асфальта и она не повернула лица она стояла так закрыв лицо одной рукой правой рукой и плакала и я впервые видел как она плачет но хоть убей послушай хоть убей я не помню как мы проводили с ней время зачем я приходил к ней почему мама отпускала меня может я лепил ей поделки из пластилина мы слушали пластинки или играли в настольную игру где надо было бросать кубик и радоваться когда выпадает шестёрка я знаю только что у неё была кошка и звали её Мусей и знаю причём только потому что в тот день когда она стояла напротив окна размытая светом Муся эта кошка её любимая пропала наверное ушла чтобы не беспокоить своими мученьями хозяйку или если была молодая то просто убежала с котами или её подобрали пацаны из двора и заперли в мусорке или бог ещё что могло произойти потому что эти кошки нет нет вот оно да я вспомнил да она и правда умерла Мусю разорвали собаки целая шайка целая свора собак набросилась на неё и растерзала а она видела это видела но не успела добежать не успела отбить а когда ей всё-таки удалось отогнать палками а когда наконец удалось то она и вот она соседка моя эта женщина часто смеявшаяся на пустом месте часто наливавшая мне чай и угощавшая конфетой а может и не было этого эта женщина которая была мне в сущности

чужой абсолютно чужой и прекрасно понимала это стояла теперь напротив окна и свет свет который я так ненавижу за это беспощадно обгладывал её тело будто стараясь лишить её оболочки и превратить в обкатанный сверкающий силуэт в кость отлитую из мягкого белого свечения свет слепил мне глаза и я смотрел на этот прекрасный этот невообразимо прекрасный квадрат и тающую в нём фигуру и слушал слушал как женщина рассказывает мне всю свою жизнь как выкладывает свои печали и радости как объясняет мне кто она и зачем здесь живёт почему ходит почему говорит и спит почему смотрит в окно и что думает о том и об этом она говорила говорила долго а может это продолжалось минут двадцать я не знаю и не помню но сейчас сейчас-то как же мне хочется узнать понимала ли она что рассказывает всё это зря попусту считай никому понимала ли что я может никогда её больше и не увижу и так и случилось что я забуду её слова что я забуду даже её лицо что у меня в памяти останется только этот свет от которого я не мог отвести глаз и глупое имя её кошки которое я повторяю иногда как заклятие как призывную молитву будто оно имя это сможет вдруг вернуть её восстановить имя той женщины её лицо хоть толику хотя бы пару фраз из тех признаний которые она подарила мне когда-то и которых моя память решила меня лишить я стою на своём клочке асфальта и озноб поднимается от придорожной травы колючей и тонкой я стою между двумя белыми пластами плывущими зыбкими непроницаемыми и шарю руками в тумане и зову как дурак как идиот как мелкая сентиментальная сволочь что надеется вытребовать прощения у теней у призраков в голове зову слышишь так всё и было зову зову Муся

Юлия Никифорова

Виктор Цатрян

Дом на острове

Идёт одиннадцатый год. Дни, как всегда, тянутся плавно, неторопливо. Длинная их вереница теряется среди сосен на том берегу. Они приходят по-разному. Кто оказывается вежливым, постучится, заглянет, спросит, дома ли я — и только потом входит. Кто вломится нежданно-негаданно и тукнет по темени. Одни приводят гостей, всё больше любопытствующих или желающих прокатиться на моторной лодке вверх и вниз по течению, до острова Мирного, вниз и вверх, до Чанска. Другие, одинокие и молчаливые, появляются на пороге с рассветом и делят со мной ровный, размеренный, правильный день. Они приходят по очереди и, когда наступает следующий, отправляются в прошлое, каждый на свою полку. Сегодня, наконец, я отвёз зайца на материк и отпустил в лес. Он постоял-постоял у моих ног, поводит ушами, вглядываясь в чащу, прыгнул, остановился — и скрылся за деревьями. Я нашёл его девятнадцатого марта в растущем на острове ольшанике. Зима не свирепствовала, и лёд загудел рано и как-то осторожней обычного. Я услышал его только под утро и вышел, накинув на майку ватник, в жидкий туман. Река просыпалась и потягивалась, лёд трещал и ругался, и ветер, споткнувшись о дом, выплюнул принесённый издалека крик. Так начался день пятнадцатого марта, а девятнадцатого марта я нашёл в ольшанике у мшистого камня беляка, который по глупости или из трусости прискакал сюда по шаткому льду и сломал лапу. Принеся его домой, я увидел, что лапа прострелена. Видимо, охотники

гнались за ним, прижали к берегу, и он пустился по льду, когда получил пулю. Охотники не решились ступить на лёд, и заяц доковылял до острова. К июлю он поправился, а седьмого сентября я, наконец, расстался с ним. Это было непросто, потому что девятого февраля какие-то хулиганы ночью застрелили Ганса. Я услышал выстрел, вскочил с постели, схватил ружьё и выбежал, но убийц уже не было, а бедный пёс тяжело дышал, высунув язык. Он

посмотрел мне в глаза. В его лёгких булькнула кровь и тонкой струйкой вытекла в темноте на чёрную землю. Я похоронил Ганса за ольшаником, а через несколько недель в нескольких шагах от могилы обнаружил зайца, лежавшего на решетчатой тени голых ветвей. Заяц исчез за деревьями, и я впервые с тех пор, как поселился на острове, правил лодку к дому, где меня никто не ждал. Я правил лодку, как правил её одиннадцать лет назад, после

того как бандиты отрезали мне язык и взорвали машину, в которой Лиза везла Мишу в школу. Я правил свою лодку, как правлю каждый месяц вот уже одиннадцать лет. Я испеку сегодня хлеб, достану его, горячий, из печи, налью кофе в большую кружку, отрежу ломоть, и пар от стола будет подниматься к потолку и стелиться по потолку, и я съем хлеб, и я выпью кофе.

Лина Дамиани

Лейла Мосиашвили

Сон

Пустынен дом – соцветие камней
и паутины, облепившей балки
(а я как будто сам повис на ней
и с видом недоверчивым и жалким,
покорно принимая ношу эту,
прогорклым ртом кусаю сигарету).

Я в этом доме сто веков
сизу и жду дождя в Макондо,
когда, освободившись от оков
извечного равелевского рондо,
улиткой времени свернусь...

Я буду ждать, глотая дым,
и вновь в молчании пройду
по этим комнатам пустым...
Покуда не проснусь.

ВЕРИ

Марина Ламбрианова

Всеволод Петровский

Наталья Бельченко

Игнат Королёв

Евгений Кошин

Юлия Манаева

Дмитрий Аверьянов

Марина
Ламбрианова
Москва

Большое время

и откуда такая уверенность
что не станет жена молодой
у соседки шестая беременность
у соседа недельный запой
даже улица нервно-печальная
подводила сегодня итог
величальная или венчальная
десять лап и четырнадцать ног
конопатая ржавая лестница
искалеченный матом подъезд
и богатая Богом наследница
побирается дома окрест

Стираю рукавом тепло воды
Мы в этой речке воедино слиты
Прозрачна память – детские сады,
Надгробий стеариновые плиты

Аквариумных рыбок акварель
Пустая лужа, новый старый дворник
Тихонько превратятся в букву эль
Я снова распечатаваю сонник

Я знаю – кони ходят под рекой
Машу руками через эту воду
Не оборачивайся – пеной ли, собой,
Я их не трону

в темноте у расклеенных другом афиш не вдруг
открываются уши рты наполняют звуком
нездоровую улицу я не останусь тут
даже если слух перестанет считаться слухом

на асфальте подсушенном грязь превратится в пыль
я по ней одна и нарочного – не грязнее
ни себя ни того кто сказал что меня любил
не получится вспомнить ранее и позднее

Приснится дом, его стальная тень
На лавочке и выжженном газоне
Создай меня живой, осовремень
Пространство на родительской иконе
На нежных окнах красная герань
Летает муха медленно и сложно
Заехала в такую глухомань,
Что даже удавиться невозможно
Крылатый лось, большой рогатый лось
Не дай мне снова вспомнить о грядущем
Рассыпалось и не пересеклось
Большое время с временем текущим

Видишь-знаешь, я тоже проворный зверь
Тоже жую морковь и меняю кожу
Не обижай собачьих поводырей
Не откажи прохожему

Видишь-помнишь меня, деревянный дом
Не поджигай, осталось совсем немного
Шепчется: выпотрошим, перевернем
А потом заселим туда слепого

Ваня-Ваня, куда ты себя с моста?
Видел бабочку с крыльями вместо сердца?
Ходит рядом – верил и перестал
А теперь снова крестится

Выйду из дома, что-то держу в руках
Мокрые люди капли меня бросают
Небом горелым байковый плед пропах
Байковый след в утренних сонных трамваях

Плачет сиротски, верит в велосипед,
В выезд на летнюю дачу, в сон на травке.
Так объектив размоет зеленый цвет,
Чтобы еще черней силуэт в удавке.

Этот живой не пробует стать живым
Эти глаза не моргают, не засмеются
Тетрис небесный все же необходим
Чтобы проснуться

Гуляют бабушки и облако лоснится
Чудесный день и больше не дышать
Закрты лица
Жеребенком стать
И доктору знакомому присниться

В одной лифтерше восемь разных букв
В одном консъерже восемь разных букв
В тебе, во мне, в словах – так много звуков
Возьмешь из малой терции на слух
Меня и что-то о разлуках
В чужих минутах замирает дух

Кричит ребенок недоношенный ребенок
Раскрой таким другим других себя
Закрты лица вспоминает жеребенок
Серебряное небо ноября

По пути видела, как горы сползали вниз
Особенно в районе внутреннего хребта
Словно кто-то придерживает карниз
И сверху кусочки земли по нему катает

Еще видела, как растет виноград –
Солнечно, ленно, столько всего внутри
А женщины чтобы его собрать
Срезали с лоз синие волдыри

Вдоль моста в маленьком-маленьком городке
Навстречу ящерки выбегали из-под камней
Я за ними – к прохладной живой реке
Я почти осталась жить рядом с ней

Потом поля и сена большой кругляш
Потихоньку ближе и ближе к морю
И вот, в одну из ночей я вышла на пляж
Гляжу в тебя и со своим именем спорю

Всеволод Петровский

Москва
<http://petrowsky.livejournal.com>

Ранняя осень. Эклектика III

Бодхисаттва Авалокитешвара, глубоко постигая праджняпарамиту, ясно увидел, что все пять скандх пусты.

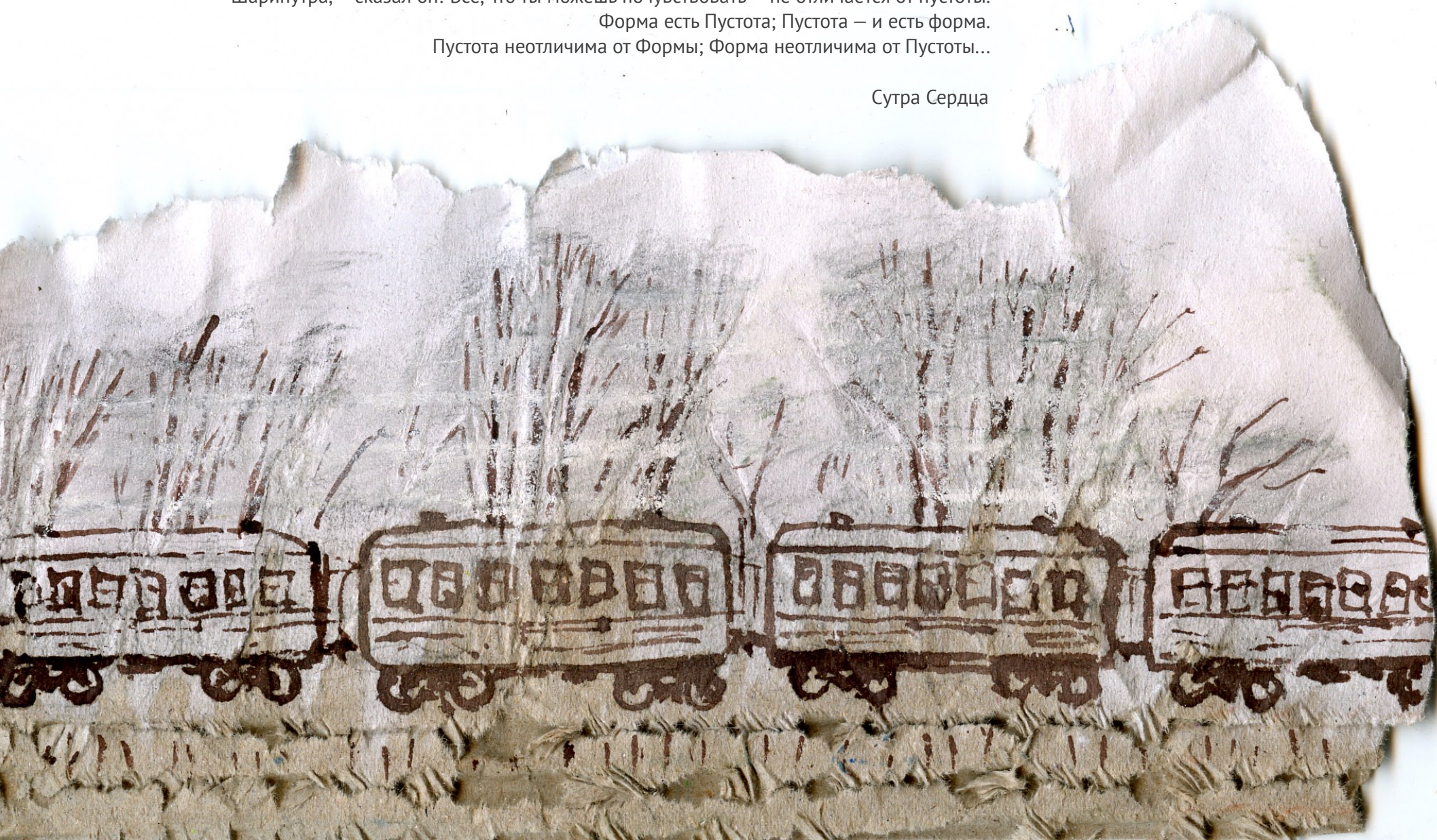
Тогда он избавился от заблуждений, перейдя на другой берег...

Шарипутра, – сказал он! Все, что ты можешь почувствовать – не отличается от пустоты.

Форма есть Пустота; Пустота – и есть форма.

Пустота неотличима от Формы; Форма неотличима от Пустоты...

Сутра Сердца

Мария Щериля

Мелкие бесы железной дороги,
потные от сушняка и тревоги,
вжатые в стенки вагонных острогов,
серые простыни мнут.
Где-то на заспанном полустанке
непродолжительная стоянка.
Чтоб сочинить на прощание танка,
хватит и двух минут.

Не оборачивайся, Шарипутра,
просто шагни в это синее утро.
Пусть отцветает луна перламутром
над следами твоих шагов.
Пепел лежит у тебя в кармане
от недокуренных воспоминаний,
от озарений и пониманий.
От золотых оков.

Брось их на теплом бетоне платформы
и не ищи в этом смысла и формы.
Вечность пуста, без законов и нормы.
Не жди от нее новостей.
Вечность – не омут, не шляпа факира.
Пуста – будто руки идущего с миром,
как однокомнатная квартира
после ухода гостей.

Как гроб Иешуа в воскресенье,
как незаслуженное спасение,
как нескончаемый миг забвенья,
выплаканные глаза.
Вечность не вымолит и не спросит.
Просто шагни в эту раннюю осень.
Поезд отходит. Пять двадцать восемь.
Рельсы. Щебенка. Роса.

Поздняя осень. Эклектика IV. Свиной грипп

Когда пойдет дождь – постарайся не думать о вечном,
трогая влажный нос поджарого города.
Не мир в эту ночь пришли принести, но меч нам
шорохи улиц. Лезвием света вспороты

тени.

Напалм интифады разлит по брусчатке.
Студенты-арабы от грязной свиной заразы
прячут суровые лица под арафаткой
и тщательно моют руки перед намазом.

Молва пролетела, что там, на чумных просторах,
где солнце садится над твердью границ шенгенских,
на хелловин превратилась в тыкву карета «скорой»
и реки отравлены горькой звездой инфлюэнцы.

Холодным утром плацкартный вагон из Львова
привозит в город командировочного Христюка.
Бросают под ноги ему без единого доброго слова
проклятия, хлорную известь, зубцы чеснока.

Он хочет поведать всем, пересилив кашель,
как пятью упаковками тамифлю
накормил толпу –
но только хмельная вокзальная шлюха Маша
слушает, гладя рукой по горячему лбу.

Ловит слова и его утирает пот – но
он замолкает, чтоб, наконец, обнять ее...
А на билбордах рекламное место свободно
для самого главного в этом сезоне

распятия.

Евгения Грачёва

Пройдет сорок дней, и эксперты объявят о чуде:
в крови его не было вирусов и даже холестерина.
Тогда, сняв повязки, прозревшие разом люди
восславят невинно убитого божьего сына.

Макдоналдс включит в меню три вида причастий,
свободная касса затянет в экстазе соло:
Ешь его плоть, ешь, ешь, разрывай на части!
И запивай вспененной Кока-колой.

За миг до безвременья Он с Ней
успеет проститься.
Скажет: не убоюсь своры клыкастой и пиршества наглецов.
Но когда пойдет снег, когда упадет плащаница —
не смотри, милая,
не смотри, нежная,
на мое лицо.

Наталья Бельченко

Киев

<http://magazines.russ.ru/authors/b/belchenko/>

Юлия Никифорова

* * *

Прислушаешься, и понятно
Вдруг станет, откуда, куда
Идет эта кормчая жатва
Стиха, словно речка тверда.

Гуляют слова рыбаками,
Берут пододонный улов,
Но что-то искрит между нами,
Качает, штормит будь здоров...

Подсловьем, подспорьем в работе
Окажется, как ни стыдись,
Простое мерцание плоти
И близким обидная жизнь.

Бывает, что непоправимо:
Всегда себе город и вал,
Теперь на правах пилигрима
Ты к валу другому припал —

И ждешь, недостойный, что где-то
В надсловный, подложечный миг
Сомкнется поверхность ответа,
Неслышимого для других.

Сирень

Знакомый дождь сегодня маем стал,
И ни одна улыбка не пропала,
Пока из дождевого матерьяла
Стекал, соткавшись, новый матерьял.

Когда ботсад он задрапировал,
Как в дивном реактиве проявила
Себя сирень. Химическая сила
Лиловый породила минерал.

И чайки от Днепра к нему летели.
Творение почти достигло цели.
Сад философским камнем был сперва.

И древняя махровая порода
Среди живых опять ждала приплода,
Попарно подбирая существа.

* * *

1

в разном Днепре — киевском, каневском
или под Прохоровкой —
исплываешь себя до прозрачности
уходит сквозь пальцы книга речная
разрешается от темени глубина
неразрезанные страницы другого Днепра
шевелиются у тебя под мышкой —
начинаешь с нежностью думать о ней,
приютившей прогретые воды;
так и возвращаешься к себе,
вверх по течению

2

И сам ты можешь долго плыть в изгибе,
В подмышке у реки, навстречу рыбе,
Под берегом, нависшим, как скоба,
Где впадина для темени и лба.

А в городе потом, в грозу литую, —
Увидеть ту же рыбу одесную,
Идти за ней, и узнавать Гонца,
И быть из тех, кто наслаждается.

* * *

Ежеосенний запах от осенних
Ветвей — как в детство впавших в листопад...
Где, поредев, распутается тень их,
Там за клубками прыгнут сто котят.
Отец мой голубем лесным вернулся
В свои леса, в ладони к Леснику,
И как река, отставшая от русла,
Я к этому Лесничеству теку.
До постиженья тайны пара всхлипов
Осталась, но расплакаться — нельзя.
Как стать рекою, из дождя не выпав?
Начнись, неукротимая гроза!
Но устья нет на улице застывшей,
Среди неизреченного тепла...
Река реке не делается ближе,
А просто говорит, куда текла.

Игнат Королёв

Памяти малинового куста (М. Куст в памяти моего отца)

Родители

Нет, он никогда не стеснялся своего кресла, не волочил, что-ли его. Коляска была гарантом неприкосновенности его одиночества, и лишь Колумбийка врывается к нему иногда. Последним нашим совместным с женой подарком Марселью была новая коляска с электроприводом. Марсель стал тогда управляющим, пускай управлял он инвалидной коляской, но для него она уже давно стала комфортным креслом, это его личное постоянное место, место, где все возможно, и спокойный крепкий сон, и горячая чашка ароматного кофе на белом блюдце, и пожелтевшие листки в красной папке неопубликованного еще романа Колумбийки. Так он осваивал нового себя, оседлал свою жизнь, так что теперь она у него на колесах, дом на колесах.

Константой увлечения моего отца с лицом L.H.O.O.Q. всегда была жена, только ей он исполнял напевную "Пусть всегда будет Солнце, пусть небо всегда, навсегда будет мамой мама моя, как получится, будем мы". Маме она иногда нравилась. Ее последний подарок навсегда останется, теперь уже в моей коробке, коробке из под руки-протеза, найденной на чердаке нашего дома — тряпичный медведь, пеленованный в государственный флаг, его я называл Mr. President.

Родилась Колумбийка

Сегодня приходила Колумбийка, она часто заходит за солью. Когда она вошла на веранду я не вставая поздоровался с ней. Они с бабушкой сообразили солить грибы. И те грибы были вкусными. Отобедав, мы смотрели старые семейные фотографии. Колумбийке больше всех понравилась вот эта, вполне типичная, как у всех, это фото отец снял в полный мой еще рост. Это была обычная больничная кровать аккуратно застеленная, над которой на стене висела картина. На ней вроде был изображен речной рак, но уже сто процентной готовности, красный — красный. Картина, как сейчас помню, называлась — "А у меня рак". Мы сошлись на том, что оба не ловили в реке рака. Колумбийка принесла на подносе еще по чашке сладкого кофе с солеными крекерами. На что я сказал, что не читал еще "Прелюдию первого дня", даже не открывал ее красную папку. Сегодня, приходили циклевать паркет, а реставраторы говорят дому не меньше ста лет. Думаю, теперь, совсем поздно, раньше надо было. А не теперь. Паркет, тот в шашку дедовскую, еще отцу подарен, об который я осенней порой бился лбом, когда падал с кресла, но я тогда никому не жаловался, почему-то, тогда желание идти не отступало, хотел пройтись, хороню до сей поры, ну ты меня знаешь. Да, всем на смех.

Санкт-Петербург
<http://kontakte.ru/club19691155>

Тогда действительно была осень, такая молчаливая и желтая, как гласит, слово — серебро, молчание — золото, да и осень золотом одета. Не помню зимы, ни весны, ни лета в этом доме. Со мной оказалась не так много фотокарточек. Реставраторов занесло золотом листьев, они рано бросили ветхую лепнину сегодня. Сосед так и не зашел смотреть паркет, ему еще понравиться. День закончился, мы рано пожелали друг-другу спокойного сна и Колумбийка отправилась восвояси.

Колумбийка родилась вовремя, как раз был накрыт стол и собрались все желающие поглазеть на ее смуглое личико и мелованные ножки. Вскоре они шагали смелыми шагами по обочине автомагистрали вон из дома на поиски отца — летчика-космонавта, так ей рассказывала о нем мама. Поиски закончились относительно удачно, она встретилась с моим отцом, наткнулась на его придорожный букинистический магазинчик, там она обрела и крышу, и работу среди множества увлекательных книг. Вскоре Колумбийка выписала в гостевой домик Чипполина свою давнюю бабушку, они ладили с ней с появления Колумбийки на белый свет, а бабушка славно ладила с грибами. Но среди всех этих людей не было отца-космонавта. Поиски со временем прекратились, но младенческий сон не покидал бессознательное Колумбийки.

Колумбийка была аскетичной и как правило прибывала в думках о юноше ее сна в темных очках роговой оправы на инвалидном кресле, который едет по поверхности воды, в его руке граненый, наполовину выпитый стакан с молоком. В миг он подъезжает к космонавтам стоявшим на трапе ракеты.

— Папа, — обращается ребенок протягивая руку со стаканом к одному из астронавтов с усиками и бородкой, — Как ты любишь, парное.

Поход в себя Сосед Чипполино Притча

Сегодня, рано утром, предстоял поход в себя. Путь в себя отнял у меня не так много времени как я планировал. Сквозь клубы тумана, по разбитым пешеходным дорогам залитым ночным дождем, подъехав к крыльцу стеклянного флигеля я остановился и заглянул внутрь, сквозь кофе с молоком стекла мало что можно было разглядеть. Поднявшись на лестничном подъемнике толкнул незапертую дверь с табличкой "М. Куст". Хлопок закрывшейся за мной двери привел в сознание. Я валялся на полу возле двери, которая не показывала ничего кроме меня самого, стекло обратилось в зеркало. Кресло куда-то отбросило, меня окружили четыре стены. Правда, на одной из стен удалось разыскать мою коляску, мой шкаф с книгами, все мое материальное было нарисовано на бетонных стенах, на тех, что были сделаны из стекла. Я лежал рядом с узкой лестницей, подпирающей невидимый глазу потолок второго этажа и проваливающейся в подвальные помещения. Марсель лежал перед выбором. Ноги не решались идти в тот самый поход. Но идти не пришлось, все последующее мгновение я летел кубарем, хорошо, что ничего не сломал. В подвале не было ничего кроме исповедальни и мойки. Я по пластунски достиг кабинки и скрылся в исповедальне, и находился там не менее

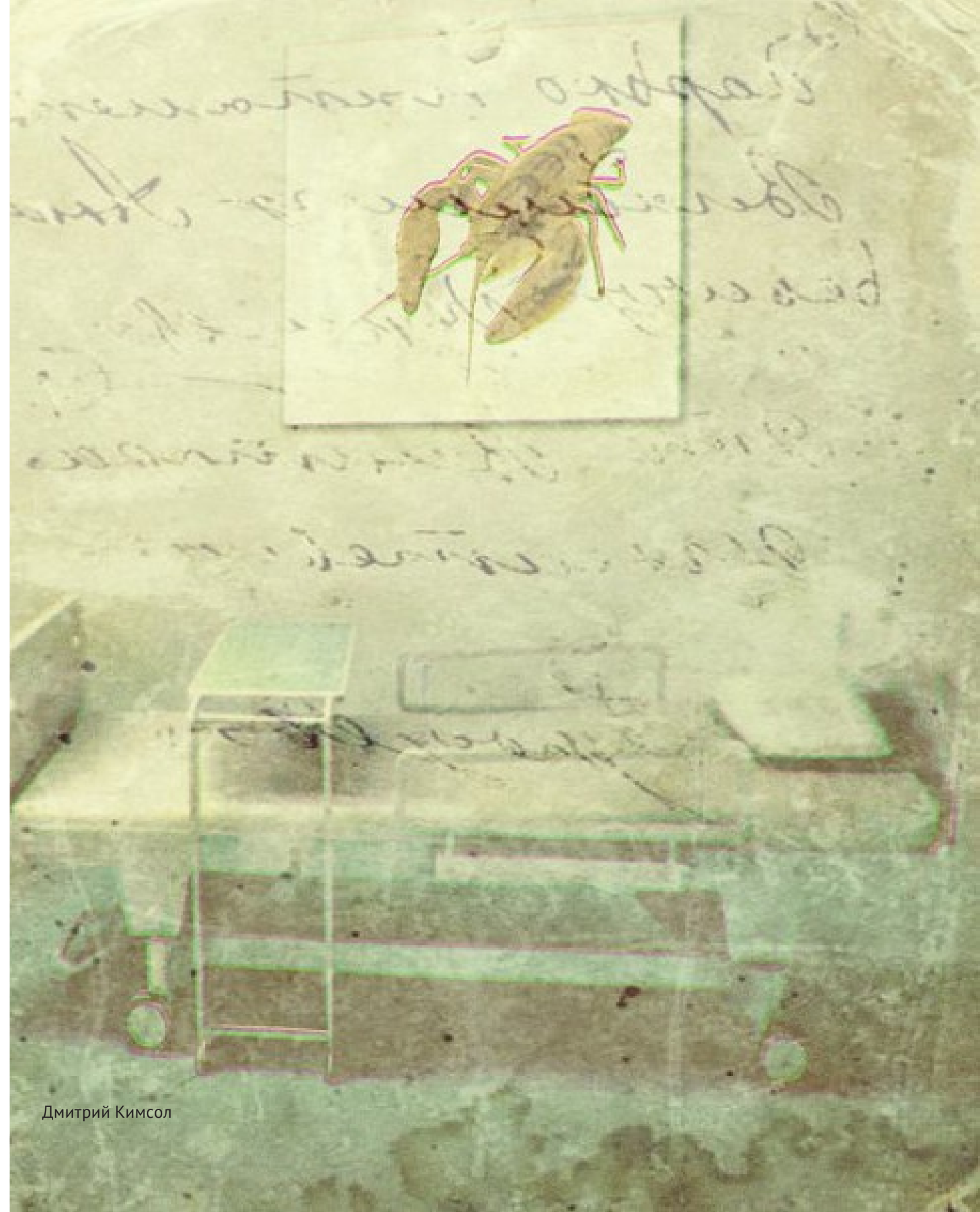
часа. После чего на своих двоих размерено вышел ополоснуть лицо в рукомойники с капаящим краном и было потянулся вытереть руки полотенцем, но оно было невозможное, из гипса, под ним висела табличка – "Вольный объект Марселя Куста, 2009, частное собрание". Дальше на раздавшийся звонок телефона был ответ – "Сейчас приеду". Гудки не успели рассеяться во внутреннем ухе, как я уже придавал ускорение коляски, все-таки, опаздывал на похороны соседа.

Чипполино жил в большом доме напротив, широкий подоконник его окна всегда был заставлен банками с частоклом виридиново-зеленых стрелок свежевзрощенного лука. Интерес к живому углу сохранился, и никогда так и не был подорван, с сада детского. Утром по-свежему интеллигентный пожилой, вечером же обращался в очевидно заброшенного старика в окружение двух лиловых Вишенок. Но я его не видел со вчерашнего дня, только малиновый куст, как и прежде, трясся в ожидании заботливого товарища с прикормкой.

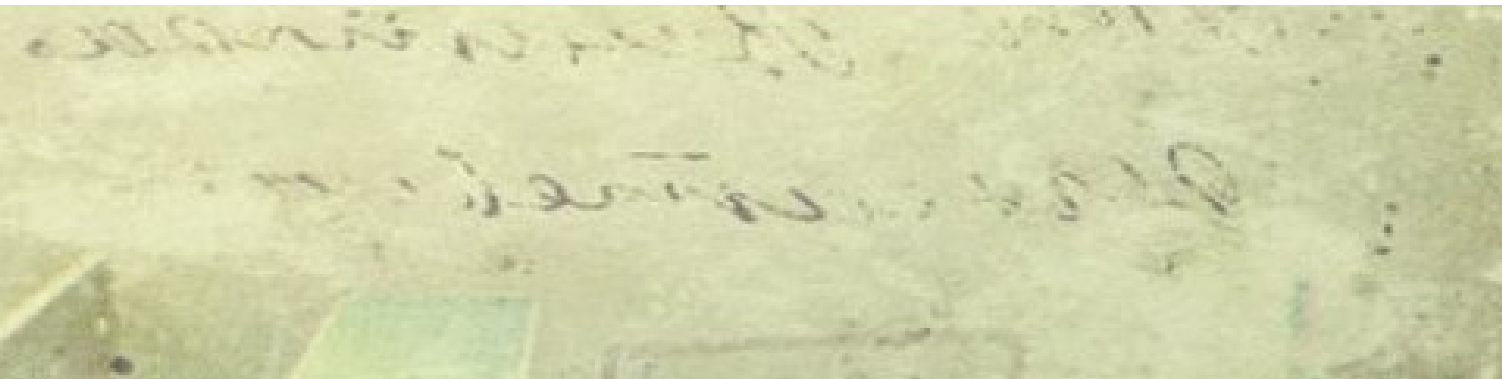
– Это может быть я, а быть может почки, – заявил президент во время прощания с Чипполино.

Они дружили с детских лет, и так вышло, что именно он последним встречался с еще живым мальчиком-луковкой, тогда он сам согласился колоть ему обезболивающее. Длинные языки, поговаривают, что он умер по наивной доверчивости и врожденному дружелюбию. Да, он любил птиц. В своем доме человек третьего возраста был рад всем, именно с таким выражением лица он смотрел на ладонь юной, жизнерадостной медсестры, закрывающей ему глаза. Один только Чипполино знал врага в лицо, это был модный афроамериканец-сутенер, покровитель лиловых войлочных шерри.

Выкатывая из-за угла городского дома культуры, я остановился чтобы отдышаться. Кладбищенские ворота были тихо прикрыты руками педантичного зрителя,

Дмитрий Кимсол

Малиновый куст

осталось преодолеть пешеходный переход разлинованной черно-белой дороги. Вокруг собравшегося народа витал запах сырой матери-земли. Над зависшим в морозном воздухе Чипполино склонился высокий человек в пиджаке, больше напоминающем национальный флаг, его речь смолкла и он вложил в ооченевшие руки соцветия лука, перевязанные небесного цвета лентой. Так и было, с ним уже простился мистер президент. Следующим должен был проститься и я. И я дал газу. Я разомкнул кольцо людей шумом трещоток колес моей коляски. Все вокруг озирались и ждали, что я скажу. Я не собирался говорить много и по существу, а лишь рассказал Чипполино очень короткую притчу.

— Один старик жил в одном большом доме рядом с одним бескрайним лесом, — говорил я, — Однажды этот самый старик ушел из того самого дома и вошел в тот самый лес, чтобы собирать грибы. И те грибы были вкусными.

Больше, я никогда не встречал соседа.

Сегодня утром мы встретились с Колумбийкой около дома Чипполино. Через три дня дом сгорит, об этом, со слов городской власти, писала местная пресса этим утром. Как замечательно, что куст еще молодой, и не успел разрастись. Колумбийка сначала собрала последние ягоды, а потом мы вместе пересадили малину в палисад возле веранды. Так я выполнил прошение соседа и теперь малиновый куст по-праву принадлежал самому себе. Колумбийка скрылась на кухне со своей бабушкой и вскоре веранду наполнил запах малинового варенья. У малинового куста обычная история, вспомнил я рассказы соседа, началось все с того, что года два назад, после закрытия детского сада, стали сдавать живой угол. Кладбищенский смотритель взял черепаху, аквариум сразу забрал директор, грызуны были никому не нужны и из них сделали тушки и чучела сотрудники городского университета. Цветы в горшках забрала библиотечка с некрасивой дочкой. Из живого угла Чипполино достались лишь луковицы, которые еще не успели выкинуть. Зато, таким образом, удалось забрать малиновый куст со двора. Детский сад снесли. Через три дня сгорел дом. Бабушка переехала в наш большой пустующий дом. Куст прижился. Мы все уже приготовились ко сну.

— Эмоции не являются средством творчества, творишь по средствам осмысления, а непосредственно визуализация эмоций является внутренним заключением переживаний в пост-депрессивном состоянии, — эти слова настойчиво будили меня, я выехал в свет веранды, — Депрессия функционирует как декодер эмоций — перевод психо-эмоционального потока сознания в формат цветowych пятен.

Малиновый куст заметил блики лунного света на моей коляске и всякий словесный шум прекратился. Засыпать вновь казалось невозможно-изматывающим усилием сонного тела и возбужденного рассудка. Квадраты, полосы и движущиеся линии света отвлекали глаза, а медитативное нависание темноты закрывало веки.

Сегодня, сразу, я покотился на пепелище соседского дома. Моросил утренний дождь, чувствовалось отсутствие чего-либо. Минут пять я просидел глядя в одну точку, потом нашел что-то блестящее, оказался редкий значок октябренка с Marilyn Monroe. Дождь прекратился. Малиновый куст увидел меня, я положил блестящее в карман и вернулся к дому. Колумбийка вышла, казалось, мне на встречу, но отстраненно села на крыльцо. Я подъехал к Колумбийке, достал Marilyn Monroe и приколот значок под воротничок ее рубашке на манер боло. Такси подъехало к дому, я проводил ее до желтеющего автомобиля с шашечками и пригласил Колумбийку с отцом непременно в гости.

— Да, поиски продолжаются, — сказала неожиданная бабушка и села рядом с водителем.

— Да, те грибы были вкусными, — ответил я и отправился к малиновому кусту.

Я сидел напротив малинового куста и думал, не пора ли подвязывать побеги. Неохотно слушал про перемещение во времени, по средствам построения 3D модели единого картографического пространства оцифрованной человеческой памяти во временных

срезах. Сам же рассказал в ответ, что никогда не видел как пишет от начала и до конца картину художник. Я быстро полил куст из лейки и с легкой головой выехал на магистраль. Показался мой флигель и на втором этаже очевидно горел свет.

Я открыл дверь и вошел в комнату второго этажа. Она была небольшой, с тусклым освещением, но бабушка Колумбийки сказала бы, что здесь можно танцевать танго. Одна из стен была заставлена рядами картин выполненных маслом, на полках и стеллажах лежали стопки исписанных холстов. Все картины были выполнены в жанре портрета. Я просмотрел каждый. Сплошные лица, одних я знал всегда, других, казалось, вообще никогда не видел. Я лег на диван возле двери, над которым висели портреты моих родителей, Колумбийки и чуть поменьше портрет мальчика-луковки и заснул с открытыми глазами.

По возвращению домой Марсель проверил почту. Пришло два письма из которых следовало, что родители счастливы вместе и в этом году не отзовутся на его приглашение. Колумбийка много писала о своем отце, они опять вместе, возвращались домой к матери.

Сегодня они сидели с малиновым кустом на фоне недельных событий.

— Да, в родительском доме живу всего ничего, но уже неделю, — сказал Марсель.

— Докторов стало больше и они сказали, что это не предел, — отозвался малиновый куст. Посыпал снег хлопьями №2.

— Снег в небе. Сколько белого на голубом. Как ты думаешь, это был я, ну тогда, среди тех, кто сотворил мир, — разговорился Марсель с малиновым кустом.

Отрывки из романа «Комета Хейла-Боппа»

Логопед

Детский сад: счастье горохового супа, уродливые игрушки. В туалетах — унитазики с нарисованными зверюшками, главное — попасть на них теплой струей, хотя, конечно, жалко. В детском саду умирают улыбки.

Небольшое серое здание с окнами-иллюминаторами. Жестяные мухоморы и песочницы во дворе. Название: «Чебурашка». Какие-то большие люди и дети. Дети — все большие, все больше меня. Я маленький. Маленьким есть куда расти.

В детском саду «Чебурашка» есть логопед. Это самый страшный человек.

— Ррравиоли, рррампа, трррактор.

Утробное рычание вместо чистого звука. Я грассирую. Я картавлю. Я говорю: лампа, лавиоли, тлактол. Язык дрожит, сворачивается клубком. Ему страшно.

Потому что за полчаса до похода к логопеду некий Димка (или не Димка его звали, помню, блондинчик) страшным шепотом сказал:

— Ты знаешь, что они делают?

— Мама сказала — упражнения.

— Нееет, ты ничего не понимаешь. Тебе сколько лет?

— Пять.

— Малой! Мне вот шесть, а когда я был также юн и безоблачен, как ты, знаешь, как они меня мучали?

— ...?

Димка (или Петя) нехорошо осклабился, прислонился к уху, и, дохнув тушеной капустой, быстро зашептал:

— Они усаживают тебя на кресло и привязывают к нему. Потом одевают на тебя наручники. И страшная тетя заставляет тебя повторять заклинание: ravioli, primus, poroshok, kraja, rom, rel'sa. И если будешь неправильно говорить, тетя берет ножницы и отрезает тебе кусочек языка!

— АААААААААААААА!

Я не хочу!

Нянечка заводит меня в полутемный кабинет. На стене — плакатный язык, такой же огромный, как говяжий. На столе — стаканчик с блестящими орудиями для казни.

В белом халате — она. Ольга Ивановна. Логопед.

— Женечка? Садись на стульчик.

Началось, думаю, ну почему так страшно и глупо быть маленьким, почему никто не заступится. Она сейчас отрежет язык!

— Повторяй за мной: ravioli, трактор, рампа.

— Лавиоли. Тлактол. Лампа.

— Давай еще раз!

У меня не получается. За окном мелькает тень огромной птицы. Ольга Ивановна снимает очки.

— Открой рот! — говорит Ольга Ивановна.

Я машу головой и плотно сжимаю губы. Руки дрожат. Плюшевый зайчик на столе смотрит враждебно.

И тут Ольга Ивановна тихо произносит:

— Хочешь жвачку?

— Да!

Это была роковая ошибка. Перед глазами — красные ногти немолодого логопеда, дракулы и франкенштейна.

Железная пилочка (может, эта штука как-то иначе называется, но для меня — пилочка) не дает рту захлопнуться.

Ольга Ивановна смотрит в мой беззубый рот. (зубов — меньше чем у панды) Я дышу тушеной капустой. Ольга Ивановна не брезгует.

— Ну вот, все в порядке. Ты должен выучить скороговорку.

Редька редко росла на грядке,

Грядка редко была в порядке.

Я выучил. Через неделю от моей картавости не осталось и следа.

Екатерина Кривощёкова

Язык

Не помню, с чего все началось. Наверное, с языка. Язык мой – друг мой.

Были сосны, которые пахли хвоей. Была зима, которая пахла снегом. Она тогда много чем пахла, но я еще не знал, как это все называть. Язык мой – враг мой.

Я вообще тогда странно выражался. Говорил: бебе икатя. В переводе на взрослый – Белочка Катя. Была такая белочка, в тех самых соснах.

Еще были дедушка и бабушка, которых я никогда не называл дедушка и бабушка. Позже об этом мне напомнят. Я их называл Дед и Баба. Не просто дед, с бородой и в валенках, не просто грубая сисястая баба с рынка. Дед и Баба. Колобка не пекли, но соорудили маму. Неплохо получилось как для инженеров.

Тогда еще была Бабушка, Бабина мама. Поэтому – Дед и Баба, которым самим смешно, что они дед и баба. Ну какие они дед и баба в полтинник? После юбилея с красивыми красными книжками и фотографиями. На фотографиях – хорошие люди. Бабин отдел. Стоят за кульманами и чертят. Разрабатывают комбайны для шахт.

Помню, дед и баба были в каких-то зимних шубах, теплых, животных шубах. Живых. С грубыми пухлыми коричневыми ворсинками. Дед еще был в шапке. Хорошей меховой советской шапке.

И мы были в хорошем советском пансионате «Сосновый Бор». Каждый день мы пили кислородные коктейли.

Этот вкус кислородных коктейлей! Это самый нежный вкус, который был в жизни. Это вкус санок и дурного счастья, неосознаваемого, счастья, что вот я, что вот Дед, вот Баба, вот бебе икатя, вот «Сосновый Бор». Коктейли

выдавали в граненых стаканах с прозрачными пластиковыми трубочками. Когда пьешь такой коктейль, хочется смеяться. Смешинки попадают в печенки, и ей тоже классно, этой печенке.

А еще была в «Сосновом Бору» столовая. Треугольная, похожа на вытянутый вигвам. Деревянные лавки и столы. Мы кушали в столовой, а потом шли в номер и ели язык со сметаной. Язык коровий, с такими пупырышками. Окунаешь в сметану и ешь. И ты еще не знаешь, что язык коровий, и что он абсолютно безгрешен, так что вырывать его было не очень хорошо. Бебе икатя от языка отказывалась. Она ела шишки и прыгала с елки на елку.

Вечером я ел язык со сметаной, утром пил кислородные коктейли, днем общался с бебе икатей.

Я засыпал в обнимку с дедом и бабой, а за окном, за холодным окном молчал лес.

Язык и кислородные коктейли. Тогда было хорошо. Дальше – хуже.

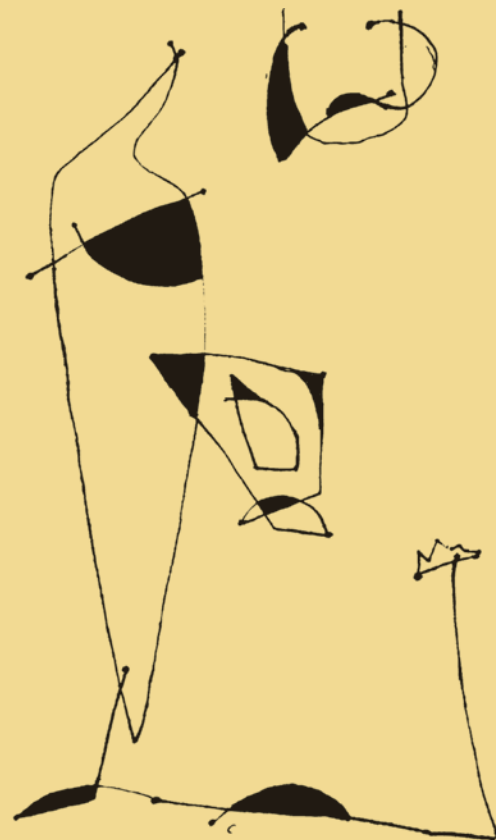
Юлия Манаева
Одесса

Трамвай. Полоса отчуждения

Разве
Здесь ходят трамваи?
Яркие, жёлто-красные...
По чёрным лентам,
По светлой памяти
Тех, кого уже нет.
С нами.

А этот пришёл. Приехал.
Бесстрашный, дерзкий.
Прошёлся звенящим эхом
По чёртовым перелескам,
По жадным топям,
По рекам
Криком
Детским.

И выли матери. Рвали
Платки и косы.
А он — как большое знамя,
Как кровь из носа,
Бежал туда, где
Пускают
Под откосы
Больших его братьев.
«Я тоже уже большой...»

Большое кино

Шёлком штампованным грудь прикрывая,
Мы, герои кинематографа,
Дубль за дублем идём и таем.
Броско, красиво, здорово!

Ветер искусственный... Ветер, естественно,
Знает: Маэстро хочется
Взять и убить всех за лень и посредственность.
И сдохнуть от одиночества.

Плачет Матильда в гримёрке за шторкою:
Матильда была у доктора.
Вот она, искренность, — голая, мокрая!
Камера! Свет! Фотографа!

И для чего? Чтоб того дебила —
С попкорном, с харизмой борова —
Трясли журналисты: «Ну? Как это было?»
«Броско, красиво, здорово...»

Одинокое плюшевое

Осень рыжими мокрыми лапами
Гасит солнце.
Мы ходим с волшебными лампами
И в лица проходим
Пытливо заглядываем —
Может, может именно он тот самый джинн?
В темноте, в невесомости, один на один
Именно с ним
Понимаешь, что жизнь, на самом-то деле,
Матовая.

А плюшевые коты бывают только
В таких домах, как мой.
Коты нас лечат от осени, от навязчивых состояний,
От параной.
Они так упоительно хороши
В своём одиночестве...
Говорят, им не нужна любовь,
Просто чуть-чуть заботы.
Но когда возвращаешься поздно, устав, с работы,
Немножечко понимаешь,
Чего им на самом деле хочется.

Амина Волошина

Музей древностей (Revolutionnaire conte)

Ночью туман превращается в молоко,
А к утру возрастает число пропавших без вести.
Каждый о ком-то плачет. Мы — ни о ком.
Мы уже год обитаем в музее древностей.

Я — голубое перо и кусок холста,
Ты — уже больше года не знаешь, что с этим делать.
Каждую ночь ты находишь мои уста —
Каждую ночь я навеки лишаюсь тела.

Город кричит о пришельцах и ледниках,
Город вдыхает яд полоумной ревности,
Глядя, как нам с тобой хорошо в трёхстах
Тёмных кубических метрах музея древностей.

И перед тем, как за мной и тобой придут,
Перед тем, как растащат нас в поле гнедые лошади,
Я пропою Марсельезу. В жару, в бреду.
Перед музеем. На самой широкой площади.

Дмитрий Аверьянов

Севастополь

ЖУК

Одноногий жук
Стучит в дверь,
Пролезает в дверную щель,
Ковыляет своей ногой ко мне
И спешит
Рассказать, что на всей Земле день,
Рассказать, что на всей Земле дождь,
Рассказать, что на всей Земле мир
И как этот мир хорош.
Вот что мне шепчет жук:
Самое лучшее – вдруг,
Самое лучшее – вмиг.
Счастьем наполненных рук
Больше, чем голых ног,
Больше, чем полых ртов.
Раздвижение туч и мостов,
Оперение птиц, облаков –
Это всё для тебя, мой друг.
Мне жужжит неподвижно жук:
Где-то в мире случаются радуги,
Звездопады, мерцания, молнии,
Где-то снег новогодний падает,
Поднимается ветер над волнами...
Поднимаются руки и головы,
Раздаются советы и милости,
Забывается горе и подлости
Забываются.
Процветают ромашки и радости!
Прогрызаются твёрдые совести,
Скачут белки по веткам от сладости,
А бутылки сдаются из трусости
И выходят под белыми флагами.
Будь же счастлив и ты – как мальчишка,
Что меня разорвал, будто книжку,
Но оставил последнюю ногу,
Чтобы смог я к тебе доползти,
Рассказать, помечтать, погостить...

Ольга Долгова

ЛОШАДЬ

1
Воздух пахнет снегом,
Но снега нет.
Есть трава под небом,
Белым, как снег.

Есть подъезд открытый,
И свет есть из
Подъезда, – вышел убитый
Свет и упал близь,

Там, где место снегу,
Но снега нет, –
Есть асфальт серый,
Как неба цвет.

2
Вышел свет подъездный
И двери скрип,
Следом воздух пресный
В черноту влип.

Вышел парень юный,
Как лепесток,
Как месяц – лунный,
Как луч – высок.

Он увидел лесок,
Он увидел пирог
Двора,
Он представил, как нож
Ножи разрезали пирог.
(С утра
И до вечера резали,
30 лет сокращая путь,
Ни одного из годков
Не вернуть).

3
Парень видел древо
Акации, ещё

Десять тополей слева,
Смахнул со щёк
Капли, упавшие сверху
Вроде бы с вишни,
Напомнило это проверку:
Что будет, как слышно
Станет дождь.

4
Парень увидел лошадь
Без верёвки, седла,
Старую или хорошую;
Не знал, откуда пришла.
Вспомнил рыцарей и бои,
То есть сны вспомнил свои,
И книги, в которых лошадь
Казалась больше,
А белая эта – как ложка
В миске овражка, –
Между деревьями и кустами.

5
Бывают же вечера,
Когда виден пирог двора,
Когда миска овражка видна,
Не видно в которой дна,
Потому что помещена
В этот овражек лошадь.

Лошадь стоит и плачет,
Капли текут, как те,
Что сбил наш герой со щёк,
Когда думал, что это дождь,
Когда с вишни упал поток
Воды на лицо героя.

Подожди читатель,
Послушай,
Всё,
Конец,
Я хочу, чтоб ты знал:
Наш юнец на колени б упал,
Если в лошадь бы вставили
душу.

ПЛАТЬЯ

1. Начало

У меня белое платье,
У тебя красное платье.
Хочется так обнять тебя,
Мы ведь с тобой — братья.

Старое время ушло,
Век 21-й катит:
9 вечера — мрак сплошной
На мировом циферблате.

В бюллетене отметил — НЕТ!
Каждая рожа — знакома.
Ты ружьё взял, я — пистолет,
Оба ушли из дома.

То небо всё в наколках
Под маечкой-пургой,
Ногам раздало язвы,
И зубы под цингой.

Гуляю по сараю,
Жую кровавый пай,
Тебя всё вспоминаю
И наш домашний рай.

Подставили, паскуды...
Хотели свергнуть власть.
А деньги взять откуда?
Сказали МНЕ украсть.

Поймали цепко... кошки!
Лупили — будь здоров.
Под телогрейкой вошки
Сосут теперь покров.

Сейчас мне только смерти
Желать. Промёрз, продрог.
Впяли 20, черти, —
Непостижимый срок.

Скорей бы всё случилось...
.....
Туннель и тёплый пол...
И ангел скажет мило:
Лицом к стене... пошёл!

3. Ответ

а) В полном сознании и трезвости ума.

Ни хлеба, ни водки, ни сахара,
В больнице я при смерти, брат.
Диктую сестричке познаково.
Анют, напиши, что я рад.

А трубочка связана с веною,
И капельки падают вниз,
Теперь под такой вот системой
Моя неудачная жизнь.

Горою стоял за политиков,
Боролся за светлую власть.
Вина моя — сладкая критика,
Награда мне — смертная казнь;

И ждут палачи ненасытные,
Пока я поправлюсь вполне,
Впихнуть чтобы в пасти открытые
Меня и измазать в слюне.

б) Дальше брат начинает бредить, медсестра продолжает писать.

Просил я губами усталыми:
Как ветер, засыпьте баллами,
Как дождик, засыпьте каплями,
Как солнце, залейте шкалами,
Трусливыми жёлтыми пятнами,

Ольга Долгова

